

КАТАРИНА БАЙЕР

ДЕСЯТЬ «...СОТЫХ»

18+

Катарина Байер

ДЕСЯТЬ "...СОТЫХ"

«Автор»

2026

Байер К.

ДЕСЯТЬ "...СОТЫХ" / К. Байер — «Автор», 2026

Разные люди, разные судьбы, разные поступки. Случайные и неслучайные встречи. Как понять, где находится грань между «до» и «после»? Как суметь остаться собой, преодолев страх смерти? Герои повести «ДЕСЯТЬ "...СОТЫХ»», волею судьбы оказавшиеся в самом центре важных исторических событий, пытаются найти ответы на множество интересующих их вопросов... Настоящая книга, созданная на основе реальных событий, является в то же время своеобразным продолжением повести «Двойная эмиграция».

© Байер К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Попутчики	5
Второй	7
Третий	14
Санча-Панса — Четвертак и Пятак	25
Долгожданная встреча Саньки и Пашки	30
Шестой	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

ДЕСЯТЬ "...СОТЫХ"

Попутчики

— Всем привет! Куда путь держим? — закинув дорожный рюкзак на багажную полку, Влад оглядел попутчиков.

— И вам здорово! — пожилой мужчина, сидевший у окна, приветливо кивнул.

Влад подошёл к нему, подал руку:

— Влад!

— Елисей Иванович! Можно просто дед Елисей — я привычный, меня все так кличут. И непременно на «ты»!

— Почему? — удивился Влад. Он не привык «тыкать» людям почтенного возраста.

— А пока в школе работал, устал — там всё по имени-отчеству, да на «вы», да ещё и с большой буквы. А на «ты» и беседа мигом ладится...

С верхней полки свесился молодой парнишка, протянул Владу руку и жаргонно произнёс:

— Павел! Он же Пашка! Он же Панса! Он же Пятак!

Дед крикнул и усталился в окно. Влад, подумав: «Сидевший, что ли?» — всё же крепко пожал протянутую руку.

— Ну, Павел, будем знакомы! Влад.

На другой верхней полке — напротив Пашки, отвернувшись лицом к стене, спал четвёртый пассажир их плацкартного купе. Две боковые полки пустовали.

— Чай будешь? — Елисей Иванович зашуршал пакетами с печеньем и конфетами.

— Спасибо, не откажусь! Присоединяйся! — кивнул Влад Павлу.

— А чё бы не попить?! Попьём, конечно! Чай — дело нехитрое. А то и жевануть чего можно, — Павел мастерски спрыгнул с верхней полки и тут же исчез в направлении купе проводников.

Влад не успел опомниться, как на столе рядом с ним оказались два стакана с парящим кипятком в до блеска начищенных проводником подстаканниках.

— Ну-ка, папаша, угости нас своим душистым чайком. Чего у тебя там вкусенького? — Павел, поставив один из стаканов перед Владом и усевшись рядом с дедом Елисеем, тотчас потянулся рукой к сладостям, которые пожилой пассажир добродушно подвинул поближе к попутчикам.

— Ну, братцы, куда направляетесь? — разговорчивый дед сразу пошёл в атаку, не дав парням сделать даже пары глотков чая и не обращая внимания на нахальное поведение молодого соседа.

— На СВО, папаша! — многозначительно произнёс Павел, подняв вверх указательный палец.

— Ух ты! Ах, вот оно что! Ну тогда другое дело! А я уж было грешным делом подумал, что ты того — из фартовых...

— Так оно и есть! Не ошибся ты, папаша, — не растерялся Павел. — Но, как говорится, я свой срок отмотал, а потому перед людьми и законом чист! — и, подумав, добавил. — А ты, папаша, жгучий, однако!

— А что мне терять на старости лет? Только смелость и осталась... — не смутился находчивый оппонент.

— В Ростове сходишь, значит? — повернулся Влад к Павлу.

— Ага!

— Ну, тогда вместе выходим...

— А ты что, тоже туда?! — удивился Павел. — Я решил, что ты в отпуск на море отправился...

— Нет, я как раз из отпуска по ранению возвращаюсь...

— Так ты уже бывалый? Ошибся я, значит! — Павел недоверчиво глянул на Влада. — И не скажешь — скромный такой вроде бы...

— Оба мы с тобой, паренёк, значит, ошиблись! — снова не сдержал реплики дед. — Ты думал, что он — в отпуск, а я думал, что и ты по той же части...

— А ты мне, папаша, определённо нравишься! — отшутился Павел.

Дед Елисей кхекнул, а Влад улыбнулся: «Хорошие попутчики мне попались. Лёгким путь до Ростова будет. А там и до своих, глядишь, за сутки-другие доберусь».

— Ну, парни, а теперь про себя расскажите: кто вы будете, откуда, опять же. Мне всё интересно!

— Из Архангельска я. А рассказывать особо нечего: семья, жена, сынишка, родители — всё как у всех! — попробовал отшутиться Влад.

— У всех — да не у всех! — многозначительно кивнул головой дед Елисей в сторону Павла. — А у тебя и позывной, наверное, есть?

— Есть. Позывной «Второй».

— Внушительно! А почему не «Первый»? Не дотянул или не осмелился? — дед Елисей сдвинул брови к переносице и шутливо глянул на Влада.

— Так вышло...

— Подожди, ты же в Ярославле в поезд сел?! А говоришь, что из Архангельска, — не унимался наблюдательный дед.

— А меня после отпуска попросили выступить в центре подготовки к службе по контракту, вот я и заезжал в Ярославль на пару дней.

— Опытom, значит, обменивался?

— Ну так, поделился с курсантами кое-какими хитростями управления беспилотниками.

— Так ты у нас дрoновод?..

— Так точно!

— А ты, папаша, откуда такие словечки знаешь?.. — снова попробовал уколоть деда Павел.

— Ну молодцом! — по-прежнему не реагируя на словесные выпады бесцеремонного соседа, дед Елисей привстал и крепко пожал Владу руку.

Второй

Однажды, когда Владу было три года, его родители решили, что он серьёзно заболел. Четыре дня подряд малыш сидел на балконе, вынеся туда свой любимый стульчик. С раннего утра и до глубокой ночи он старательно вглядывался в небесную даль и ни под каким предлогом не желал заходить в квартиру. Родители мальчугана, будучи добрыми и заботливыми, пытались выяснить, что произошло, но Влад ничего не отвечал, внимательно наблюдая за движением облаков и словно стараясь рассмотреть в лазурной вышине что-то доселе неизведанное. Он отказывался возвращаться в комнату, даже чтобы поесть, и отец с матерью все эти дни вынуждены были кормить его прямо на балконе. Да и то с трудом.

Родители всерьёз беспокоились. В то время, к счастью, ещё не были так популярны профессии психолога, психотерапевта, психиатра, и лучшими помощниками в воспитании детей считались воспитатели детских садов, учителя и, конечно, детский врач. Мама Владика, к слову сказать, тоже была врачом, только терапевтом. Она и попросила совета у врача-педиатра — друга семьи. Доктор с готовностью откликнулся на просьбу о помощи и в тот же день «совершенно случайно» зашёл в гости к родителям Влада. Те шёпотом паниковали:

— Наверное, Владик заболел! Он почти ничего не ест и целыми днями до самых сумерек сидит на балконе! На вопросы ничего не отвечает, только мотает головой, глядя куда-то в небо. Мы не знаем, что с ним делать!..

Педиатр шикнул на родителей и отправился на балкон. Мальчуган нервно покачивался на своём детском стульчике в углу балкона, сосредоточенно всматриваясь в небесную высь. Он был так увлечён, наблюдая за движением облаков, что не обратил внимания на подошедшего к нему взрослого. Врач присел на корточки рядом с малышом и закурил:

— А можно, я с тобой здесь посижу?

— Конечно, посиди, дядя Иван Николаевич... — Влад не мог звать его иначе — родители уважительно звали дядю врача Иван Николаевич, а значит, и для Влада он был Иван Николаевич.

Дядя Иван Николаевич довольно хмыкнул — его узнали, но отметил про себя, что мальчишка даже не взглянул на него, словно и в самом деле боялся пропустить на небе что-то важное. Мужчина немного постоял около пацанёнка, потом принёс из комнаты низенький пуфик и пристроился рядом. Они немного молча пососедствовали, врач докурил свою папироску, а потом опять спросил:

— А что ты там высматриваешь? Давай я тоже с тобой высматривать буду! Вдвоём же веселее!

Малыш не отвечал. Доктор с показным интересом стал вертеть головой, разглядывая небо, рассуждая про себя: «Как бы мне тебя перехитрить?! Ну ладно, пока помолчу, а там видно будет».

Наконец мальчуган не выдержал и робко спросил:

— А ты никому не скажешь?..

— Конечно, не скажу! Ты же знаешь, что я не выдаю чужих секретов.

Владик привстал со стульчика, прижал губы к самому уху старшего товарища и, не отрывая взгляда от неба, быстро прошептал:

— Я жду супермеч!

— ??? — врач повернул голову и удивлённо уставился на мальчика.

Мальчишка поудобнее устроился на своём стульчике и зашептал, не поворачивая головы в сторону врача:

— Дядя Иван Николаевич! Я недавно мультик смотрел про супермеч. Он всегда прилетает, чтобы помочь тем, кого обижают. Надо только дожждаться и не пропустить! А то супермеч снова не прилетит, если пропустишь!..

— А зачем тебе супермеч? Тебя кто-то обижает?

У дяди-педиатра в душе начал бушевать ураган: «Неужели такого славного мальчугана родители наказывают? А с виду вроде вполне приличные люди! Да и дружим мы уже давно! Не замечал я раньше, чтоб они даже словом сынишку ранили... Или мальчонка всё-таки?..»

— врач не успел домыслить. Владик снова приподнялся со стульчика и, не упуская из виду небесный свод, зашептал:

— Меня в садике ребята обижают...

— Сильно?

— Да, очень...

— А как их зовут, твоих обидчиков?

— Я не могу назвать! Я сам должен их победить!

— Да, ты прав!

Врач задумался: «Какой мальчуган интересный! Настоящий мужчина! Отличного паренька мои друзья воспитывают. Правильно воспитывают, грамотно. Такой и в беде не бросит, и в бою не подведёт!»

Владик тем временем, не отрываясь, смотрел в небо.

— А ты маме с папой рассказывал?

— Хотел, но маме тогда некогда было, она ужин готовила, а папа футбол по телевизору смотрел. Вот я и решил сам добыть супермеч. Тогда ребята никогда больше не будут меня обижать! Я непременно его дождусь!

Они снова замолчали, наблюдая за небом. Вдруг врач встрепенулся:

— А давай я тоже с тобой буду супермеч ждать? Будем вдвоём сидеть, пока он не прилетит. А как появится, вместе поймаем его и перенаправим на твоих обидчиков. Вдвоём-то у нас силы больше! Да и кушать можно будет ходить. По очереди! А то если мы есть не будем, то у нас и силы не останется супермеч удержать — он же тяжёлый!

— А как это — перенаправим? Разве так можно?

— Конечно, можно! Зачем нам такой тяжёлый меч ловить да с собой носить, если он умеет летать?! Мы просто покажем ему, куда лететь и кого надо наказать. Только нам обоим надо имена твоих обидчиков знать, чтоб супермеч точно к ним улетел!

— Точно! Это Санька, Женька и Тимофей!

— Ага, Санька, Женька и Тимофей. Запомнил! Теперь точно не забуду!

Они снова принялись вглядываться в небесную высь: мальчуган — в ожидании чуда, мужчина — в предвкушении победы добра над злом. Минут через пятнадцать смекалистый врач спросил:

— А ты кушать не хочешь, а то я что-то проголодался?

— Хочу, но я не могу оставить свой пост! А ты, дядя Иван Николаевич, иди поешь!

Но врач не отставал:

— Нет, давай сначала ты сходишь, а я на твоём стульчике посижу! Он же у тебя крепкий? Выдержит? Нас, Владик, теперь с тобой двое, а я больше тебя и сильнее, я даже голодный с супермечом справлюсь, если вдруг он без тебя прилетит. А ты меня сменишь, когда поешь...

Владик моментально согласился и бросился в комнату:

— Мама, скорее, накорми меня, пожалуйста!..

Минут через десять малыш выбежал на балкон:

— Ну что, дядя Иван Николаевич, не прилетал!

Лицо врача озарилось счастливой улыбкой:

— Он прилетал! Представляешь?! Твой супермеч прилетал! Он сине-зелёный и светится ещё! И тяжёлый! Еле удержал!

Губы малыша затряслись, глаза широко раскрылись, бровки вздёрнулись вверх — вот-вот расплчется:

— И где же он?!

Врач хитро глянул на мальчишку:

— Так я его поймал, а потом дал ему задание лететь к твоим обидчикам и приказать им, чтоб они никогда больше тебе не досаждали! А потом я сильно размахнулся и перенаправил твой волшебный меч к ним! Сначала я дал ему задание лететь к Тимофею, потом к Саньке. А напоследок повелел навестить Женьку! И он как пуля умчался вот туда!..

Владик обернулся в сторону, куда указал дядя врач, и плаксивая гримаса на его лице мгновенно сменилась радостной улыбкой:

— Да! Тимофей как раз в той стороне живёт! У самого садика! Я знаю! Мы его с мамой часто там встречаем, когда утром в садик идём!

Мальчуган ненадолго застыл, внимательно вглядываясь вдаль — туда, где, по словам доктора, скрылся меч. Потом, переведя взгляд на своего спасителя, робко добавил:

— И теперь они никогда не будут меня обижать?! Никогда-никогда?!

— Никогда-никогда, — улыбнулся врач и обнял малыша, — они не посмеют. Теперь тебя от них защищает супермеч!

Владик зажмурился, наверное, представляя ещё раз, как дядя Иван Николаевич перенаправляет меч на дом Тимофея, и тот летит, издавая грозный свист.

— А он очень тяжёлый, этот меч?

— Очень! Хорошо, что я вовремя подросел, а то тебе одному трудно бы пришлось, наверное!

— Да, вдруг бы он у меня из рук выскользнул?!

— Нет, не выскользнул бы, ты же сильный и отважный! Но пришлось бы очень постараться, чтобы направить его именно на дом Тимофея! Промаяхнуться же нельзя!..

Вечером Влад отправился спать пораньше. Когда мама зашла поправить одеялко, она заметила, как сынишка мечтательно улыбнулся во сне...

Родители допоздна проговорили с другом-педиатром. Действительно, малыш довольно часто плакал по утрам, придумывая причины, чтобы не идти в детсад. Взрослые же думали, что он просто иногда хочет подольше понежиться в постели, потому и капризничает...

Проблему решили быстро — снова помог друг-педиатр. С обидчиками и их родителями были проведены беседы, самый заядлый драчун был переведён в другую группу. Больше мальчугана не трогали. Теперь малыш каждое утро вприпрыжку мчался в садик, чтобы не опоздать на завтрак.

Когда Владу исполнилось шестнадцать, он твёрдо решил, что станет офицером. А потом без ума влюбился в девчонку-соседку с прекрасным именем Алёнка, и его планы изменились. Будущий офицер решил сначала жениться, родить сына (непременно сына!), и только потом посвятить себя служению Отечеству. Он мечтал походить на отважных офицеров-героев, подвиги которых описаны в книжках о войне.

Его избранница — девчонка бойкая и симпатичная — была старше на целых два года. Она нравилась многим мальчишкам, и Влад уже давно смекнул, что шансов у него немного. Неподалёку от них жил паренёк с необычным именем Эльдар, которого все считали «первым парнем на деревне». Он и действительно был первым во всём: и в учёбе, и в спорте. Да ещё и мастерски играл на гитаре, и даже песни сочинял...

Влад понимал, что первым ему не стать, вот разве что вторым, потому немало удивился, когда однажды на его предложение проводить до дома Алёнка ответила согласием. Конечно, их

первому свиданию помог «счастливый» случай: однажды на катке возле школы Влад нечаянно залепил будущей невесте шайбой прямо по губам, да так удачно, что у той не выбило ни одного зуба! Только слёзы из глаз покатались ручьём на плечо вовремя подоспевшего обидчика...

Так и начался их школьный роман.

Друзья убеждали Влада, что Алёнка ветреная и не будет ему верна. Говорили, что встречается с ним лишь для того, чтобы иметь «проводящего до дома». Ещё ходили слухи, что её родители называют его «доморощенным кавалером». Но он не обижался, зная, что он не первый, а всего-навсего второй после первого. Он не хотел себе в этом признаваться, но первым и самым достойным кавалером для своей избранницы по-прежнему считал Эльдара.

Влад и сам толком не понял, как такое могло случиться, что сразу после школьного выпускного он набрался смелости и сделал Алёнке предложение руки и сердца. А она лишь загадочно улыбнулась в ответ, жеманно пожала плечами и обещала подумать. Он не стал торопить, понимая, что излишний натиск лишь оттолкнёт её...

Несколько дней ожидания чуть не свели его с ума, и наконец он услышал долгожданное «да». Но его возлюбленная тоже была не лыком шита: она поступила в колледж на кинолога и уже мастерски демонстрировала окружающим приёмы приручения мохнатых питомцев, пытаясь похожим образом дрессировать и молодых людей. И хотя Влад казался ей особенным, не таким, как все, но, разузнав о его намерении сразу после их свадьбы уйти в армию, Алёнка пообещала выйти за него замуж с одним условием: сначала она должна закончить колледж.

Юноша ушёл в армию, так и не женившись, писал любимой почти каждый день и при любом удобном случае звонил не матери, а ей. И вот, когда Влад демобилизовался, они наконец-то поженились, а вскоре у них появился любимчик-сынишка. Они оба работали, ютились на частной, подкапливая деньги на комнату в коммуналке, попутно занимались воспитанием сына, и давняя мечта Влада стать офицером растворилась среди бытовых хлопот и прочих забот.

Вскоре его родители совсем недорого купили домик где-то под Воронежем, неподалёку от российско-украинской границы. С тех пор с наступлением лета они всей семьёй уезжали «на юга»: наслаждаться теплом, отстраивать дом и облагораживать участок. Их, северных людей, всю жизнь проживших на побережье Белого моря, восхищал каждый южный день. Каждый плод, созревший в собственном саду, и каждый розовый бутон радовали глаз и ласкали душу...

Лишь одно мешало семейной радости: странные события, которые в 2014 году начали происходить на Украине и вот уже на протяжении нескольких лет не давали покоя всей России. Отец Влада родился и вырос в большом украинском селе неподалёку от Харькова, а потом, окончив военное училище, по распределению попал в Архангельск, где и познакомился с мамой. Но под Харьковом до сих пор жили родители отца — бабушка Катя и дед Степан, поэтому раньше каждое лето северяне непременно их навещали.

В июне-июле у бабушки с дедом собиралась вся большая дружная семья: приезжали родные и из Житомира, и с Вологодчины, и из-под Смоленска. Почти весь июль большой дом был полон шумного разноглосья: украинская речь перемешивалась с русской в каждом его уголке. А уж когда украинские хлопцы и дивчины начинали обучать русских мальчишек и девчонок премудростям украинского быта, тут даже стены и потолок пускались в пляс.

В конце июля гости потихоньку начинали разъезжаться, а к сентябрю дом практически пустел. Бабушка Катя и дед Степан оставались одни. Печально вздыхая и не пряча слёз, они потихоньку начинали приводить в порядок изрядно потрёпанный за три летних месяца дом, уже с нетерпением ожидающий следующего шумного лета. А иногда, словно стремясь отдалить момент расставания, дед с бабушкой отравлялись в Россию вместе с внуками, чтобы доставить сорванцов домой «в целостности и сохранности» и передать их родителям «из рук в руки».

После украинской «оранжевой революции» поездки к бабушке с дедом на Украину прекратились, однако родители не пропускали ни единого выпуска новостей, переживая за стари-

ков и, конечно, опасаясь, что всё происходящее может повлиять на мирную обстановку села, в котором находился их «южный» воронежский дом. Они пребывали в тревожном ожидании: «А вдруг?!»

...Наступил февраль 2022 года. Сынишка Влада был уже вполне самостоятельным и вёл себя с родителями как маленький командир, с удовольствием примеряя папину армейскую фуражку и браво маршируя в ней вдоль и поперёк комнаты. Владу нравились командирские замашки мальчугана. «Пусть сын осуществит мою мечту стать офицером, раз я не сумел этого добиться...» — рассуждал он, с интересом наблюдая за «подвигами» своего подрастающего воина. Однажды во время семейного ужина они услышали новости о начале спецоперации. Решение было принято молниеносно. Влад уже давно чувствовал, что его отец — отставной офицер — ждёт от сына решительного шага и устал жить беспокойными думами о неопределённом будущем. Он понял: надо бороться, чтобы отстоять справедливость, поэтому на следующее утро, взяв паспорт и военный билет, отправился в военкомат. Алёна пробовала его отговорить, но он был непреклонен. Мать с отцом благословили единственного сына.

Когда речь зашла о позывном, он долго и тщательно его подбирал, перебирая в уме различные варианты.

— Слушай, Влад! А может, дадим тебе позывной по имени? — шутливо вопрошали бойцы, оказавшиеся рядом с ним в военкомате. — Имя красивое, короткое, звучное — отлично подходит для позывного.

— Время ещё не пришло для позывного! — отшучивался он.

Ожидая очереди, добровольцы принялись травить анекдоты и рассказывать смешные истории. Кто-то поведал историю про магазин с нелепым названием «Секонд хэнд». Влад пошутил:

— Секонд! Классный позывной...

— Ну уж нет! Позывной «Влад» намного лучше! К тому же, секонд — иностранное слово, а сейчас у нас импортозамещение. Позывной должен быть только на русском. Да и секонд же в переводе «второй». Ты что, хочешь быть вторым, а не первым?!

— Первым быть очень рискованно, а у второго всегда есть шанс стать первым, — снова отшутился Влад, вспомнив свои ухаживания за Алёнкой в качестве «второго». — Знаете, а мне нравится позывной «Второй»!

— Не разрешат!

— И всё же я попробую!..

— Я хочу взять позывной «Второй»! — решительно заявил он военному комиссару, заполняя документы.

— Ни в коем случае! — военный комиссар был категоричен. — Числовые позывные брать не рекомендуется. Это может привести к ошибкам и недоразумениям во время боевых операций. Рекомендуется брать только в сочетании со словом. Возьми позывной «Дуплет», или «Запасной», или «Дублёр», ну или «Двойник», в конце концов, — это практически то же самое...

Влад стал вспоминать похожие слова, чтобы использовать их в качестве позывного. Контрактники, сидящие неподалёку, начали активно помогать:

— Близнец!

— Вторыга!

— Двойняшка...

— Парный!

— Непарный!

— Парнокопытный!

— Дубль!

— Дубликат!
— Копия!
— Копирка!
— Двое из ларца, одинаковых с лица...

Изошрялись кто во что горазд.

Влад сидел, опустив голову. Конечно, ему не нравился ни один из предлагаемых вариантов. Непременно хотелось быть только «Вторым». Во что бы то ни стало!

Наконец командир сдался:

— Хорошо! Будет у тебя позывной «Второй», упрямец!

Довольный Влад поставил последнюю подпись на документах.

... Через три месяца боёв он был ранен. Ему дали небольшой отпуск. Влад приехал домой и две недели наслаждался тишиной. Рука заживала очень плохо, не слушалась и постоянно ныла, кисть в кулак сжать было практически невозможно — пальцы сгибались лишь наполовину. Мать за эти две недели обила множество порогов, пытаясь выбить для сына «белый» билет, но всё было безрезультатно. Вердикт врачебной комиссии был однозначен — «годен для прохождения дальнейшей военной службы по контракту». Он снова отправился ТУДА.

И самое главное — он этого ждал. Он скучал по боевым друзьям и своей «боевой подруге» — «птичке». Конечно, он понимал, что будет тосковать по сынишке-озорнику и жене — самой любимой и красивой на свете, беспокоился о здоровье родителей, но знал, что его место — ТАМ!

И вот сейчас «Второй» ехал в плацкартном вагоне в Ростов-на-Дону, чтобы затем на перекладных добраться до места расположения своей части.

— Так вот ты какой, оказывается! — дед Елисей в очередной раз одобрительно покивал головой, уважительно глядя на Влада. — А я вот раньше в школе учителем истории работал. Мы с коллегами-учителями частенько спорили: они утверждали, что мельчает-де русский народ, молодёжь развязная стала, а я с ними никак не соглашался.

— А может, и мельчает!.. — многозначительно изрёк Павел.

— Так те мальчишки, которых я учил, все в люди выбились! А учителя недовольничали! Конечно, и такие, как ты, бывали, но тоже нормальными со временем стали! Вот и ты ведь за ум взялся! — глянул дед Елисей в сторону Павла.

— Опять меня зацепил! Ну не можешь ты, папаша, не съязвить! Я же не себя имел в виду! Я в общем! — полушутя возмутился Павел.

— А ты не перебивай, коли в общем! — махнул рукой дед Елисей в сторону Павла. — Вот ты, наверное, думаешь, что мы, когда при социализме жили, лучше себя вели?! Нет, ну, конечно, до суда дело редко доходило, но мы тоже озорными были, весёлыми, амбициозными, хулиганистыми даже! Эх, иногда вспомню, как мы учителям крыс в портфели и кнопки на стулья подкладывали...

— Так ты тоже, папаша, не ангел, однако!..

— Не перебивай ты, говорю! И из рогатки по фонарям уличным стреляли, и пожарные кнопки на столбах без пути нажимали, а потом за сугробами прятались и ждали, когда пожарная машина с мигалками примчится, да ещё и бутылки на пустыре взрывали! Как вспомню, так самому неудобно становится. Некоторые мальцы с детского сада курить начинали, а иных на санках пьяными в начальных классах домой привозили. Вот какие мы были отчаянные! И много ещё чего творили! Чем же нынешнее поколение хуже?! Такие же чудачки попадают. Он всегда были и будут. Но вы другие — у вас цель есть. Нам государство многое давало просто так: и жильё бесплатное, и лагеря пионерские, и медицина, и образование — всё ведь бесплатным было, а мы не ценили! Зачем вот, например, лампочки на столбах из рогаток разбивали?! Хулиганье! А вам зарабатывать на всё приходится! Вот вы и цените! Мы все социализм жалеем,

но разбаловал он нас не маленько! В колхозах и совхозах как мужики-то пили! А молодёжь?! До беспамятства! Помню, один раз парень на свадьбе у друга пьяным в русскую печь залез погреться, да и уснул там. Утром хозяева стали печь растапливать, а он внутри завоzilся! Хозяйку чуть приступ не хватил — думала, чёрт из печи вылезает. Вот как напивались!

— Мы-то, пожалуй, в печке ещё не засыпали! Да и печи русские сейчас редкость...

— Да, молодёжь сейчас за ЗОЖ! — поддержал Влад. — У них правильное питание и пиво безалкогольное в чести.

— Так вот и я о том же! Молодцы! Так и надо! Родину защищать идёте — на это тоже решиться надо. Вы ведь оба добровольно на это отважились. Это подвиг. Большой подвиг. Я вот знаю парнишку одного. Хороший парнишка, благородный, не трусливый, а так, как вы, не смог. Почему, спросите? Не знаю. Может, родные у него на Украине, может, ещё какая причина, поэтому и не смог.

И дед Елисей начал свой рассказ...

Третий

По окончании четвёртого класса родители решили отправить Данилу в детский оздоровительный лагерь на Чёрное море. Путёвка стоила дорого, мама бежала множество инстанций, чтобы получить хоть какую-нибудь материальную помощь на её приобретение. Она обращалась и в профсоюзный комитет своей организации, и к местным депутатам, и в сельский совет, и даже к представителям малого бизнеса. Наконец, когда путёвка была куплена и медкомиссия пройдена, Данила отбыл в лагерь, пообещав сразу по приезде написать родителям письмо.

Письмо от сына родители получили только через две недели после начала лагерной смены:

«Здравствуйте, мама, папа, Аринка, кошка Анфиса и её котёнок!

Мама, папа! Ну зачем вы отправили меня в этот самый отстойный в мире лагерь?! Здесь всё плохо! Здесь полный отстой! Мама! Где я возьму тебе пальму? Они же очень большие! Мне её не привезти!

Плохие новости:

Здесь очень плохо. Я каждый день плачу. Я никогда больше сюда не поеду!

Нормальные новости:

Я насобирали морских камушков, один похож на месяц, другой на звезду, и ещё половинку ракушки. Мама, зачем ты положила мне в чемодан две кепки?! Нам предложили съездить на три экскурсии: тридцать три водопада (я поеду — ты же дала воспитателям на экскурсии деньги!), на какую-то поляну (не знаю, на какую, но тоже поеду — ты же дала воспитателям деньги) и ещё третья экскурсия, я не помню, как называется, но обязательно поеду, потому что ты дала воспитателям деньги. Я надеваю каждый день новую футболку, папа купил мне перед отъездом четыре штуки. Мама, зачем ты положила мне два полотенца? Здесь полотенца выдают! Ночью очень громко стрекочут кузнечики и мешают спать. Мама, ты же говорила, что здесь нет комаров! Но про кузнечиков ничего не говорила! Ещё здесь растёт хурма, я насобирал три пакета. Пусть папа меня встретит, а то мне самому их до дому не донести. Правда, хурма ещё незрелая. Мама, здесь нет кактусов, есть только ежи. Зачем ты сказала мне, что здесь растут кактусы? Я специально обошёл весь лагерь и не нашёл ни одного кактуса. Мальчишки ходили следом. Мама, а кто такой фалалей? На море нас ни разу не водили. Говорят, большие волны. А я не умею пользоваться душем. Это очень плохой лагерь! Здесь вообще ничего нет, одни макароны с гречкой, да я же гречку не ем! Я люблю картошку с сосисками, но картошку нам не дают. Никогда больше не отправляйте меня в этот лагерь! И скажите Аринке, чтобы она тоже никогда сюда не ездила! Почему вы позволили кошке Анфисе снова унести котят под дом?! Я так любил с ними играть! Они же совсем маленькие, у них ведь и глазки ещё, наверное, не открылись. Папа, я же предупреждал тебя, чтобы ты не открывал широко двери, когда уходишь на работу! Неужели ты не мог увидеть, как Анфиса тащит их в зубах? Папа, будь, пожалуйста, в следующий раз внимательнее. Хорошо, что хотя бы одного котёнка Анфиса не успела унести. Приеду, буду их искать.

Ну всё! Пока!»

Вернувшись домой с тремя пакетами неспелой хурмы, Данила тут же выпросил у отца фонарик и отправился на поиски Анфисиных котят. Подвала как такового у них не было, хотя они с подачи деда Вити именовали подвалом тёмное помещение под полом, куда можно было залезть через небольшую дверцу рядом с крыльцом. Под домом было холодно и пахло спёртой сыростью. Сквозь слуховые окна просачивался слабый свет, и, если честно, было жутковато. Включив на полную мощность отцовский походный фонарик, Данила с особой тщательностью исследовал каждый заветный уголок. Котят под домом не было, как, собственно, и самой Анфисы. Довольная Анфиса в это время лежала на хозяйской постели, ласково выли-

зывая пушистого рыжего котёнка, милостиво оставленного ей в награду за ласку Даниловыми родителями...

Вплоть до самого совершеннолетия Данила так и не расстался с идеей хотя бы однажды отыскать и вернуть домой Анфисиних котят, в очередной раз исчезнувших из коробки. После того, как Анфиса приносила приплод, Данила начинал внимательно следить за ней, оберегая пушистиков от переселения в холодный и сырой подвал. Ночами он просыпался и проверял, все ли котята на месте. Однако результат был непременно прежним: Анфиса обязательно находила возможность утащить своих маленьких деток под дом втайне от хозяев. Данила вновь и вновь брал у отца фонарик и отправлялся на поиски без вести пропавших питомцев. Но все его попытки оказывались безуспешными.

Уже учась в университете, Данила случайно узнал от одинокой соседки, что их ласковая Анфиса ни разу никуда своих маленьких котят не уносила, а их забирал, тихонько перекре- стившись и переложив из коробки в капроновый чулок, молчаливый сосед. Родители же, боясь травмировать сына, выдумали историю о переселении котят под дом.

— Как вы могли так со мной поступить?! — возмущался Данила, стоя перед родителями посреди гостиной и яростно размахивая руками.

Родители виновато переглядывались, пожимая плечами и не зная, что ответить раздоса- дованному сыну.

— Я же реально думал, что Анфиса рано утром проскальзывала мимо папы в двери, пряча котят под брюхом! А папа просто не замечал этого, потому что торопился на работу!..

— Ну сынок! Не кипятись! — пыталась урезонить Данилу мать.

— А вы знаете, сколько раз я ползал под дом и разыскивал там котят?! И вообще, как вы могли так со мной поступить?! Я же до двадцати лет не понимал, куда исчезают маленькие котята! Эта тётка — наша соседка — смотрела сегодня на меня, как на... фалалея!

— А! Так это тётка Наташка тебя вразумила! Вот я ей задам! — не на шутку осерчал отец.

— Ну и молодец, что вразумила! Низкий ей поклон! Двадцатилетний детина, а выглядел как болван! Ну, дорогие родители, спасибо! Вырастили сына — настоящего фалалея! Теперь- то я уж точно это знаю...

Учась в старших классах, Данила «по-серьёзному» начал встречаться с одноклассни- цами, думая, что это и есть любовь. К двадцати годам он был уверен, что любви не существует вовсе. Когда в двадцать пять мать ненароком намекнула ему, «не пора ли жениться?», Даня, приняв серьёзный вид, ответил: «Я не женюсь никогда!» Мать вопросительно вскинула брови, а он, немного поразмыслив, полушутливо добавил: «Или заставишь?!»

Данила поступил в Московский политех, и, окончив его с отличием, приехал на несколько дней домой, чтобы положить красный диплом перед матерью со словами: «Держи подарок! Он тебе был нужен больше, чем мне!», — а потом вернулся в Москву...

Данила знал, что служба в армии — это «не про него», хотя прекрасно помнил, как в восемнадцать лет мечтал пойти в армию, чтоб вернуться в родной северный город, пройтись в офицерской (непременно в офицерской!) форме по любимой набережной и встретить ту — единственную!..

Полтора года после окончания политеха молодой человек закидывал своими резюме мно- жество компаний, но так и не мог найти работу по специальности. Кем он только не рабо- тал: курьером, разносчиком пиццы, официантом, менеджером по выдаче заказов и прочее, и прочее, и прочее... Двадцатипятилетний юноша находился на грани срыва — ни стабильного заработка, ни любимой девушки.

— Данечка, как дела? — нарочито весело спрашивала мама по телефону.

— Пока никак...

— Ну ничего, всё наладится, сынок. Непременно наладится!

Но он не верил добрым словам сердобольной матери. Одиноким юноша понимал, что это начало конца, тянущего его «на дно»... «Зачем я потратил четыре года на получение высшего образования, если мои знания никому не нужны? Зачем я вообще учился, хотя мог бы заработать приличные деньги, удачно вложившись один раз в криптовалюту?!» — одолевали каверзные мысли, не давая парнишке покоя ни днём, ни ночью.

...Депрессия безостановочно рождала печально-тоскливые мысли. Данила начал подумывать о нехорошем: выпрыгнуть в окно или броситься в реку с моста. Останавливали лишь мамины глаза...

С некоторых пор Данила увлёкся медитированием. Редкий выходной обходился теперь без сеансов «внутреннего созерцания». Часы самопогружения не снимали уныния, а лишь усугубляли его, но Даниле казалось, что медитация облегчает душевную боль...

Однажды бессонной ночью Данила уселся по-турецки на полу своей малюсенькой квартирки-студии на окраине Москвы, за аренду которой отдавал почти все заработанные деньги, и, глядя на звёздное небо, принялся медитировать. Вдруг что-то всколыхнулось в груди, он воздел руки к небу и застонал:

— Господи! Помоги мне! Пожалуйста, помоги! Услышь меня, Господи! Я не могу так больше жить! Я скоро сойду с ума!

Данила не верил в Бога. Он подшучивал над матерью, когда та при случае говорила:

— Помолись, сынок! Господь поможет! Он всем помогает и тебе поможет!

Но Данила никогда не молился и стороной обходил церковь. Когда же мама приезжала в Москву и во время совместных прогулок заходила в храм, он принципиально оставался ждать её около церковной ограды. Что же изменилось? Почему?

Неудачник упал на бок и долго плакал, пытаясь в сотысячный раз разобраться в себе. Так на полу и уснул.

Очнувшись Данила от солнечного зайчика, весело порхающего по стенам комнаты и словно невзначай прыгнувшего ему на лицо. Через приоткрытое окно в помещение проникал лёгкий ветерок, игриво шевеля тонкие жалюзи.

Юноша прислушался:

— Хор-р-рош-ш-шо! Хор-р-рош-ш-шо! Хор-р-рош-ш-шо! Всё будет хор-р-рош-ш-шо! — гибкие пластиковые ламели словно перешёптывались между собой, то натягивая, то ослабляя цепочку жалюзи.

...Возможно, Данила и дальше пребывал бы в жуткой неопределённости и перебивался нестабильными заработками, но буквально в тот же день ему повезло: позвонил друг и предложил заниматься тестированием компьютерных программ на дому. Всё ещё не веря в счастливую случайность, Данила хотел отказаться:

— Вообще-то я мечтал стать мультипликатором и переехать жить в Штаты...

— Данила, спустись с небес на землю! Когда это было?! Всё уже давно изменилось! Так что работай в России на иностранную фирму и радуйся жизни!

— Наверное, тестировщик — тоже неплохо... Можно попробовать, — неопределённо ответил юноша. И в ту же секунду осознал, что его мольба оказалась услышана. «Неужели так бывает?!» — оторопел он, продолжая выслушивать доводы наседавшего приятеля. А тот не унимался, хотя голос доносился до слуха пришедшего в замешательство Данилы словно из потустороннего мира:

— Это не просто неплохо! Это отлично! Тем более что сейчас получить американскую визу практически невозможно — пандемия же!

Действительно, с некоторых пор в мире начали происходить загадочные события, приобретшие название «пандемия». Эпидемия коронавируса поглотила мир, а слово «удалёнка» с некоторых пор стало одним из самых популярных. И, как это ни странно, пандемия помогла Даниле обрести себя в новом статусе — стать тестировщиком программ.

Проработав на этой должности почти полтора года, юноша завоевал неплохую репутацию в кругу коллег. Более того, в своей фирме, куда попал волею судьбы, он стал вторым среди «самых умных». Компания эта оказалась с иностранными корнями, хотя головной офис находился в России, поэтому, когда в 2022 году началась спецоперация, руководство компании, быстро сообразив, что к чему, вывело свои активы из России. Русским тестировщикам, которых на тот момент в фирме насчитывалось уже больше десятка, дали ясно понять: либо переезд за пределы России, либо «До свидания!» и возможность попасть в действующую армию. Данила выбрал первое, тем более что несколько его коллег уже переехали на ПМЖ в Грузию, Сербию, Чехию, Турцию, Индию и даже в Шри-Ланку. Он выбрал Сербию...

О том, что Данила решил эмигрировать за границу, не знал никто, кроме парнишки-коллеги, недавно уехавшего в Грузию. Отцу о своём решении он сообщить не решился. А мама — она всегда поддержит и поможет, даже когда совсем не одобряет сделанный выбор...

— Мам, привет! Я уезжаю в Сербию!..

— Сынок?!

— Мне предложили переехать, чтобы не потерять работу в компании.

— Ты думаешь, это того стоит? Есть такая пословица: «Где родился, там и пригодился!»

— И кому я пригодился-то?! — вспыхнул Данила. — Я не хочу остаться без работы! Я всё равно уеду!

— Отцу говорить?

— Как хочешь!

— Он будет против!

— Я знаю...

Выехать из России оказалось непросто, точнее — очень даже непросто, и Данила стал мониторить все варианты. Он узнал, что часть границ на выезд из России уже закрыта, а на остальных стоят многокилометровые очереди — таких же, как он, желающих незаметно «просочиться» из России, чтоб не попасть в действующую армию, были сотни тысяч. Люди добивались до границы кто на чём: одни на собственных автомобилях, которые иногда бросали прямо на границе, чтоб хоть как-то суметь выбраться из страны, другие — на перекладных, третьи вообще шли пешком и выстаивали в многокилометровых очередях неделями... У него не было машины, да и прав пока тоже не было, а пешком — это не вариант...

И тогда Данила решил отправиться в «путешествие» на велосипеде. Благо, велосипед у него был очень дорогой — на таком и по Европе не стыдно прокатиться. В недрах вездесущего интернета имелась масса сведений о том, как и где лучше пересекать границу, поэтому Данила решил добираться до Сербии через Грузию. План был прост: долететь на самолёте до Владикавказа, а оттуда рвануть на своём двухколёсном друге к контрольно-пропускному пункту Верхний Ларс, находящемуся на российско-грузинской границе...

Данила знал, что за негабаритный груз придётся доплачивать порядка пятидесяти тысяч рублей, но решил на всякий случай предварительно позвонить в службу перевозок. Каково же было его удивление, когда оказалось, что за негабаритный груз ничего доплачивать не надо, если основного багажа нет. Обрадовавшись, он тут же купил билет на самолёт Москва — Владикавказ, сразу оформив и двухколёсный багаж. Вылетать надо было через несколько дней, и ожидание стало для юноши настоящим мучением: время от времени звонили приятели, нервирова разговорами о принудительной мобилизации, по телевизору тоже весьма активно обсуждались вопросы государственной безопасности, самым насущным из которых оказался вопрос закрытия границ. И он боялся не успеть!..

От неприятных мыслей Данилу отвлекали лишь хлопоты, связанные с перевозкой велосипеда, так как упаковывать груз предстояло самому. В поисках подходящей тары пришлось обождать все окрестные магазины. Комната была завалена коробками разных размеров, но ни одна не подходила под габариты, разрешаемые авиаперевозчиком: не более двухсот сантимет-

ров в сумме по трём измерениям. Тут в ход пошли скотч и ножницы. Данила, ощущая себя и конструктором, и макетчиком, и даже портным, вымерял, отрезал, клеил, снова вырезал, снова клеил... Только глубокой ночью накануне вылета его негабаритный багаж был наконец-то упакован в соответствии с требуемыми параметрами.

В аэропорт Данила выехал задолго до начала регистрации, чтобы, избави бог, не опоздать на самолёт, простояв в километровых московских пробках.

Всю дорогу до Шереметьева неуверенный в успехе путешественник гнал прочь суетные мысли, но они атаковали мозг с завидной периодичностью, наседая одна за другой: «А что, если рейс перенесут или вообще отменят? Или аэропорт во Владикавказе закроют, как закрыли в Сочи? А если до границы с Грузией не смогу добраться? А вдруг в Грузии меня никто не встретит?..»

«Привет, сынок! Ты как?» — мама писала либо звонила каждые пятнадцать-двадцать минут, уверяя, что всё будет хорошо. Это отвлекало и придавало сил.

Когда юноша, предварительно пропустив свой груз через сканеры для негабаритного багажа, подкатил тележку с упакованным велосипедом к стойке регистрации и водрузил коробку на багажную ленту, улыбочная сотрудница аэропорта, подозрительно глянув на робкого пассажира, не поленилась двумя руками ухватиться за коробку и основательно потряхнуть её несколько раз. Внутри что-то звякнуло...

— Багаж не соответствует требованиям. Надо упаковать как следует. Успевайте до окончания регистрации, — регистраторша приподнялась из-за стойки и небрежно махнула рукой, глядя куда-то за плечо Данилы. — Следующий, подходите!

Сердце молодого человека бешено забилося: «Ё-моё! А у меня даже скотча с собой нет, чтобы коробку заново заклеить. И ножниц!.. И вообще, как же так?!»

Данила откатил тележку с грузом в сторону и, будь что будет, принялся мелкими перебежками исследовать терминал аэропорта на предмет наличия канцелярских принадлежностей. За пятнадцать минут он обожегал все магазины, но ничего подобного не обнаружил. В промежутках между поисками он подбегал к стоящему в сторонке велосипеду, присаживался около него на корточки и, продолжая активно оглядываться по сторонам, судорожно размышлял, где раздобыть скотч и ножницы...

— Молодой человек, вам нужна помощь? Вот, держите, наверное, это ищете, — симпатичная девушка вышла из-за стойки с легендарным названием «Победа» и протянула отчаявшемуся парню скотч и канцелярский нож. — Я всё смотрю на вас — когда же ко мне обратитесь, а вы всё бегае-бегае...

— Спасибо огромное! — только и сумел выдавить из себя растерявшийся Данила и, благодарно улыбнувшись своей спасительнице, принялся лихорадочно распаковывать, а затем заново старательно склеивать скотчем и укладывать в коробку свой негабаритный груз. Телефон настойчиво задребезжал — мама... «Я перезвоню!» — бросил Данила в трубку и перевёл телефон на беззвучный режим.

За несколько секунд до окончания регистрации на рейс Данила вернул доброй девушке канцелярский нож и жалкие остатки скотча и метнулся к зоне оформления пассажиров и багажа. И как ни старалась противная сотрудница трясти и ворочать коробку, ни один винтик внутри не дрогнул! А когда эпопея с багажом завершилась, будущий эмигрант рванул в зону посадки. Сердце бешено колотилось в груди, отдаваясь мелкой дробью в висках: «Неужели я успел?!»

Он успел. Через несколько минут объявили посадку.

Самолёт долго вырливал по взлётно-посадочной полосе, словно напоследок хотел ещё раз испытать нервы лжепатриота. И вот настал момент взлёта. Самолёт взревел, помчался по бетонному покрытию и начал набирать высоту...

Данила облегчённо вздохнул. Наконец-то!

Владикавказ встретил пассажиров из Москвы проливным дождём. Получив свой багаж, собрав под навесом велосипед и избавившись от тары, Данила включил навигатор на телефоне и двинулся в сторону границы. До контрольно-пропускного пункта Верхний Ларс, куда направлялся юноша, ехать пришлось почти шестнадцать часов. Было страшновато, он то и дело поправлял сползающий капюшон и мчал изо всех сил, втягивая по сильнее голову в плечи, чтоб его светло-русые волосы не выдавали чужака, привлекая взгляды аборигенов.

Даня вспомнил рассказ приятеля, путешествовавшего как-то на автомобиле в южных регионах России, поэтому на всякий случай решил не заговаривать с местными жителями. Несколько лет назад его друг, не зная местных устоев, имел неосторожность на автозаправке выйти из машины в шортах... С большим трудом ему удалось вырваться из цепких лап местных джигитов, которые заставили русского парня встать на колени и вымаливать у них разрешение сесть обратно в машину. Приятель стоял бы на коленях и дольше, но его спутница оказалась не робкого десятка. Почувствовав неладное, она выскочила из машины с травматическим пистолетом в руках и, сделав пару выстрелов в воздух, вызволила юношу из рук хулиганов. Пока приятель заводил машину, храбрая девушка так и держала обидчиков под прицелом, и вскоре они стартовали с заправки...

Данила старался гнать прочь эти трусливые мысли. У него в рюкзаке был припрятан термос с чаем и бутерброды, которыми он разжился в аэропорту. Бензин ему не требовался, потому особой надобности заговаривать с кем бы то ни было он и не испытывал. Он мчал навстречу неизведанному...

К российско-грузинской границе юноша подъехал глубокой ночью. Вернее, сначала он увидел огромную мерцающую в темноте автоочередь. Глянув на велосипедный счётчик пробега, решил узнать, насколько она длинна. Проехав около трёх километров, он увидел хвост соседней очереди — пешеходной. Разглядеть, какой она длины, он так и не смог, как ни старался. Пристроившись последним в пешеходную очередь, юноша стал ждать подвижек. Через три часа ожидания под моросью (дождь так и преследовал его на протяжении всего пути) он не двинулся ни на сантиметр, а очередь увеличилась настолько, что взгляд уже не находил в ночных сумерках её хвоста.

Прошло ещё около двух часов. Дождь не прекращался, очередь стояла. Изредка мимо них проезжали велосипедисты. Даня решил, что они, как и он, просто проверяют длину очереди, и с нетерпением ожидал их возвращения, чтобы полюбопытствовать, каков размер бедствия и как долго ещё стоять, но они почему-то не возвращались. Юноше очень хотелось узнать, куда же исчезают велосипедисты, но выйти из очереди не мог — боялся по возвращении не найти в крошечной тьме своё прежнее место.

Данила ждал ещё полчаса, потом, приметив в нескольких метрах от себя мальчишку в ярко-жёлтом дождевике и избрав его своим ориентиром на случай возвращения, вскочил на велосипед и осторожно двинулся по направлению к «истоку» очереди.

Проехав ещё километра полтора, парнишка разглядел стоящие поперёк дороги заграждения и снующих туда-сюда людей в форме. Поняв, что подъехал почти к самой границе, он стал слезать с велосипеда. И тут его качнуло — то ли бессонница нескольких ночей сказалась, то ли колесо в дорожную выбоину попало, но, с трудом удерживая велосипед, Даня непреднамеренно задел плечом молодого человека.

— Простите, ради бога!

Парень нахмурился, а его спутница мило улыбнулась:

— Ничего страшного!..

Извинившись ещё раз, Данила начал разворачивать велосипед, чтобы вернуться на своё место в хвосте очереди:

— Вы не туда едете! Очередь велосипедистов с другой стороны таможенного поста. Вот там, за зданием КПП, — девушка указала рукой в противоположную сторону.

Проследовав в указанном направлении, Данила действительно обнаружил ещё одну очередь — велосипедную. И она состояла всего из шести велосипедов! Он пристроился последним и тут же разговорился с соседями. Это были молодые ребята со всех концов России, добирались до Верхнего Ларса они почти так же, как он. Очередь пока не двигалась, зато как радовала её длина!

Примерно через полчаса из КПП вышли пограничники, а ещё через полчаса он был уже на нейтральной территории. Какое-то время они мчались на своих велосипедах по тёмному тоннелю, пока не добрались до грузинской границы. Ехать в неизвестность было ещё страшнее, чем преодолевать путь от Владикавказа до Верхнего Ларса, но теперь рядом с Данилой были вновь обретенные друзья-велосипедисты. Это успокаивало и придавало сил.

На той стороне («или уже на этой?» — невольно подумалось Дане) их поджидал микроавтобус, в который загрузили сначала велосипеды, потом пассажиров, и они двинулись в сторону столицы Грузии.

Данила отметил, что в автобусе их было всего пятеро, то есть получалось, что двоих через границу не пропустили. И всю дорогу до Тбилиси он не переставал мысленно благодарить улыбчивых русских девушек, ставших сегодня его спасительницами. Что бы его сейчас ожидало, если б не они?..

В Тбилиси он провёл несколько прекрасных дней. Суровый русский февраль остался где-то там — позади. Здесь уже было по-весеннему тепло и очень красиво. После долгой московской «удалёнки» он впервые за последние два года мог просто так гулять и наслаждаться тёплой южной весной!..

Гулять вместе с НЕЙ.

Парнишка-коллега, уже около месяца живущий в Тбилиси, встретил его в международном аэропорту Тбилиси имени Шота Руставели не один — с ним была ОНА. Данила сразу влюбился.

— Познакомьтесь: это Марта, она тоже из России, — представил друг свою спутницу, — а про этого весёлого пацана по имени Даня я уже не раз рассказывал...

— Очень приятно, — немного смутилась Марта и протянула руку.

Рука была чуть влажная, нежная. Данила обхватил ладонь девушки двумя руками и ласково встряхнул в знак приветствия.

— Марта очень скучает по России, и мы иногда вместе гуляем, — друг, заметив смущение обоих, решил пояснить, что путь к её сердцу свободен...

Через пять дней Данила улетел в Сербию. Возможно, навсегда.

Даниле удалось снять небольшую уютную квартирку в городе с красивым названием Нови-Сад. Руководство компании, как и обещало, выплатило «подъёмную» тысячу евро, и работа сразу захватила его: пропущенные дни надо было наверстать, чтобы не лишиться премии, в три раза превышающей обещанный гонорар.

Первые полгода Данила ужасно скучал: друзья остались в Москве, родители — в Коми. Здесь он чувствовал себя чужаком.

Потом он познакомился с классными русскими ребятами — такими же, как и он, эмигрантами-тестирующими. Сразу стало интересно, в выходные они постоянно устраивали вылазки по близлежащим окрестностям с бутербродами и, конечно же, с ораховачей¹.

¹ Ораховача — ароматная, сладковатая настойка на зелёных грецких орехах.

«На природе» они устраивали какой-нибудь экстрим, но в конце концов, как и в любой компании коллег-единомышленников, каждый раз всё сводилось к посиделкам и бурному обсуждению бытовых либо рабочих моментов.

— Когда я жил в России, то даже предположить не мог, что здесь, в Европе, жизнь течёт без спешки, без дедлайнов и обязательств, — завёл как-то разговор один из пацанов.

— Да, полако² — бич Европы! И в первую очередь, Сербии!

— Почему бич?! А мне нравится жить «вразвалочку»! Я дома всегда везде опаздывал, а здесь, мне кажется, опаздывают ВСЕ и ВСЕГДА. И никто не обращает на это особого внимания.

— Ну не знаю! Я недавно мастера по ремонту посудомоечной машины две недели вместо обещанных трёх дней ждал. Вот это зашибись! Мне вообще не в кайф было...

— Это ещё хорошо, что у тебя не комп сломался, а то плакала бы твоя зарплата!

— Ну, комп я, допустим, и сам починил бы...

— А меня добивает неухоженность какая-то, неопрятность, что ли... Тротуаров нет, на стенах домов граффити, и мусор может лежать где угодно, но только не в мусорном баке...

— А у нас в России, так прямо всё по-другому: мусора нет, тротуары идеальные, граффити напрочь отсутствуют!.. Вы о чём, пацаны?! Да в Москве чуть ли не каждый год стену Виктора Цоя вандалы разрисовывают! Идеальных условий нигде нет! А насчёт мусора на тротуарах так я вообще молчу! У нас, мне кажется, и урн-то для мусора, особенно в маленьких городишках, в принципе не существует!

Зачастую по этому поводу у них разгорались нешуточные споры, которые пару раз заканчивались взаимными обидами. И вот однажды во время очередной вылазки кто-то совершенно неожиданно предложил, чтобы пресекать бесконечные споры, кричать «Брейк!» и устраивать состязание между спорщиками. Называлась эта игра «Чья берёт...», а победитель в споре решался исходом поединка.

И, как ни странно, эта простая игра прижилась в их разношёрстной компании: в самый напряжённый момент кто-нибудь кричал «Брейк!», затем методом голосования выбирали самых ярых спорщиков и придумывали, каким образом они будут состязаться. Кто-то вынужден был отстаивать свою правоту в состязаниях по армрестлингу, кто-то — прыжками в длину, кто-то боксировал, кто-то бегал наперегонки — короче, кому как повезёт или не повезёт...

— Пацаны, я на днях пробовал такси через приложение заказать — полдня ждал. Потом заказ отменился. А в Питере у нас заказ такси через приложение — норма...

— Да, с этим здесь пока туговато. А я недавно решил провайдера поменять, чтоб скорость улучшить, две недели прошло — до сих пор ответа не получил...

— И что ты хочешь?! Полако! Ты же в прошлый раз так за него ратовал!

— И когда это было?!

— Брейк!

Он долго не мог сориентироваться — кто и когда должен произносить это самое «Брейк!», а потом приспособился и даже начал с нетерпением ожидать моментов накала, хотя они почему-то стали происходить всё реже. Видимо, игра явилась своеобразной защитой от ненужных споров.

Через полгода домой его уже почти не тянуло. Лишь иногда снилось что-нибудь из школьных или студенческих лет, и тогда Данила просыпался опечаленный. Он отгонял ненужную тоску, но она оседала где-то в глубине души и весь следующий день неприятно напоминала о себе: «Как долго я смогу здесь прожить? Стану ли я счастливым здесь — вдали от Родины? Когда я смогу выбраться в Россию, чтоб навестить родных? И выберусь ли вообще?»

² Полако – слово в сербском языке, означающее «медленно, спокойно, без суеты». Является понятием, описывающим образ жизни на Балканах.

Стараясь успокоиться, Данила начинал прокручивать в мыслях воспоминания о полутора годах жизни в Москве по окончании политеха, когда не смог устроиться на работу по специальности и вынужден был заниматься всем, что подворачивалось под руку, но только не своим делом, зарабатывая при этом ничтожные деньги: на обещанный заработок непременно накладывались какие-нибудь штрафы, поэтому зарплата уменьшалась в два-три раза... Ещё свежи были в памяти моменты безысходности, которые чуть не привели к гибели. Сейчас же у него стабильный и вполне приличный доход, огромные возможности, хотя и вне России, поэтому он ни за что не променяет их на возвращение в родные края в качестве доставщика пиццы...

Он непременно привыкнет! Он адаптируется! Он будет зубами и ногтями вгрызаться, чтоб стать здесь своим, лишь бы не оказаться снова «на дне», ощущая себя нищим и никому не нужным. У него всё получится. Он в этом уверен.

По условиям контракта Данила должен был работать пять дней в неделю. Встречи по выходным с новыми русско-сербскими друзьями постепенно сменились путешествиями. Сначала Белград, потом Нови-Сад, затем Черногория, Румыния...

Сербия поддерживала хорошие дипломатические отношения с Северной Македонией и Венгрией, поэтому Скопье и Будапешт тоже были не за горами. Наличие шенгена хоть и незначительно, но открывало границы из Сербии в часть стран Европы.

Возвратясь из путешествий, друзья снова и снова начинали устраивать дискуссии на тему «Хорошо там, где нас нет!». Конечно, зачастую не унимались до тех пор, пока кто-нибудь снова не командовал: «Брейк!»

— Слушайте, пацаны, моя высотажка находится прямо рядом с частным сектором. Причём все частные дома почему-то имеют печное отопление. И чем только не копят трубы этих домов! Такое чувство, что печи не углём топят, а пластиковыми бутылками. Иногда такая вонь стоит, что дышать противно, поэтому я уже ползими квартиру не проветривал — невозможно окно открыть.

— Да уж! Смог тут зимой капитальный стоит...

— А если ещё учесть выхлопы старых дизельных авто, которые запрещены в остальных странах Европы, то да...

— Скажи спасибо, что сейчас зима. Ты ещё летом в своей квартире не жил! Жить там, где много солнца, конечно, приятно, но летом в Сербии жить в высотажках-человеяниках просто невыносимо. Все стараются сбежать к речкам, тени и прохладе.

— Так-то у меня кондиционер есть, переживу как-нибудь.

— А электричество?! Здесь оно недешёвое. Смотри на бабки не влети!..

— А тебе-то что?!

— Брейк!

...Это случилось, когда они с приятелями гуляли по Бухаресту во время очередного короткого путешествия. Друзья как раз вели дискуссию на тему «Почему в Сербии так много курильщиков и никто с ними не борется?!»

— Я недавно вечером решил прогуляться до магазина и посчитать количество «дымоходов» о двух ногах.

— И что?!

— Досчитал до двадцати с лишним, а потом сбился со счёта. Смолят почти все: в кафе, на остановках, у подъездов, даже на детских площадках. Дети гуляют — мамы курят...

— А в России прям одни некурящие живут! Я сколько раз видел точно таких же мамочек, дымящих у детских площадок!

— Так у нас это запрещено! Если сделать замечание одному, другому, третьему — всё можно изменить.

— Ну, возьми и здесь сделай! Может, изменишь что!..

— Так я пробовал!

— И что?!

— На меня посмотрели, как на идиота. Мол, что вы хотите, у нас так принято...

В это мгновение раздался телефонный звонок. Звонила Марта:

— Привет! Что делаешь!

— По Бухаресту гуляем.

— А в Тбилиси не собираешься приехать?..

— Зачем?

— Просто погуляем...

— Хорошо, на следующие выходные приеду...

— Буду ждать, — Марта отключилась, а его сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Дане казалось, что неспешно вышагивающие рядом с ним и о чём-то беспечно болтающие приятели слышат этот отчаянный стук: «ОНА позвонила! Надо срочно покупать билеты!..»

Через неделю Марта снова встречала его в аэропорту Тбилиси. Одна.

— Привет! Я скучала, — просто сказала она.

— Привет! Я тоже скучал, — робко произнёс он и добавил. — Очень!

Её глаза сияли, Марта улыбалась той загадочной улыбкой, которой умела улыбаться только она одна.

...Воскресным вечером они отправили на электронный адрес офиса их компании-работодателя два заявления на увольнение, а в понедельник первым рейсом вылетели в Москву. Ключи от сербской квартиры он выслал экспресс-доставкой своим сербским приятелям...

Через полгода они сыграли скромную свадьбу, пригласив только самых близких людей. Данила по-прежнему работал тестировщиком — компания не стала расторгать с ним контракт, а Марта готовилась выйти в декрет. Они загадали, что если родится девочка, то назовут её Илларию — в честь прапрабабушки, носившей когда-то это красивое имя. А мальчику непременно дадут имя Илларион.

Только сейчас Данила понял, что такое истинное счастье, и не мог поверить, что это произошло именно с ним: он обрёл долгожданное благополучие не на чужбине, а в родной России. Теперь рядом с ним были самые любимые. Мама и отец стали частыми гостями в их светлой уютной квартирке. Данила радостно улыбался, когда заглядывал в мамины счастливые глаза. А ещё он с достоинством — как хозяин хозяину — крепко пожимал руку отцу и со смехом вспоминал историю о детских поисках бесконечно пропадавших котят любимой кошки Анфисы.

— Вот видишь, сынок! Всё наладилось! Не могло не наладиться! Ты же у нас умница! Впереди у тебя огромные перспективы, впереди — целая жизнь!

— Хороший парнишка этот Данька, только запутался маленько, — дед Елисей отвернулся к окну, задумался. Молчали и Влад с Павлом, каждый по-своему оценивая поведение Данилы. А что говорить? Человек сам творит своё счастье.

Стемнело. За окном то и дело мелькали огни проносящихся мимо полустанков. Вглядываясь в искрящуюся даль, Влад улыбнулся, вспомнив, как сидел когда-то в детстве на балконе и ждал супермеч. «Взять бы сейчас с собой «за ленточку» такой супермеч и шапку-невидимку», — невольно подумалось ему, и Влад снова улыбнулся.

Павел тем временем забрался на свою верхнюю полку и, положив голову на скрещённые руки, принялся мечтательно всматриваться в загадочную темноту грядущей ночи.

Вдруг дед, словно опомнившись, изрёк:

— Ну что, парни, спать пора ложиться!

Потом, приподнявшись с места и повернув голову в сторону Павла, продолжил:

— А завтра ты нам про себя расскажешь. И не вздумай отвертеться! Всё равно заставлю! Я же учитель истории, хоть и бывший. Эхс, так сказать! Мне всё интересно...

Павел хмыкнул в ответ что-то неопределённое и тотчас отвернулся к стенке, сделав вид, что засыпает. Однако всю ночь он тревожно ворочался с боку на бок, то и дело просыпаясь и подолгу размышляя, как бы назавтра увильнуть от неприятного разговора. И что ему было рассказать о себе? О чём поведать? Ничего выдающегося он до сих пор не совершил: только мелкие воровские пакости да полухулиганские шалости. «Не буду я ничего им говорить, и всё тут! — твёрдо решил он под утро, в очередной раз вспоминая свои юношеские похождения. — Вот заслужу медаль или орден, тогда будет что рассказать! Эх, почему я встретил их именно сейчас, а не потом — после получения награды... Было бы чем похвастаться и что поведать...»

Санча-Панса — Четвертак и Пятак

Они дружили с первого класса. Одного звали Саней, другого Павлом. Добрые одноклассники дали им прозвища «Санча» и «Панса».

Конечно, они вместе прогуливали уроки, хулиганили, докучали учителям, иногда и подворовывали — тоже вместе. Поэтому два прозвища вскоре превратились в одно неделимое «Санча-Панса³». И друзья не обижались, наоборот — гордились этим, считая себя братьями по духу. Они даже дали клятву на крови, пообещав, что никогда не предадут свою дружбу.

Оба пацанёнка росли в семьях матерей-одиночек. У Саньки был младший братишка Петька, а Пашка был единственным ребёнком. Матери, стараясь принести в дом лишнюю копейку, чтоб порадовать сыновей, частенько брали подработки, и мальчишки почти всё время были предоставлены сами себе.

В школе их недолюбливали, но не задирали — побаивались. Конечно, если у кого-то что-нибудь пропадало, то непременно сразу начинали подозревать Санчу-Пансу, но друзья всё время выкручивались и выходили сухими из воды. Однако молоденькая учительница по физике была особо придирчива к ним и не упускала случая отыгаться оценками. Однажды она так достала весь класс своими придирками, что Санча-Панса решили заняться её перевоспитанием:

— А давай выпишем физичке через почту наложенным платежом⁴ намордник! — придумал однажды Санька.

— А зачем ей намордник?! Она же не станет его в школу носить! — не сразу понял Пашка.

— Так по приколу! На почте выкупит, дома откроет, а там — намордник. Я видел, она часто через почту что-нибудь выписывает, подумает, что сама ошиблась и не то выписала...

Прокатило. Но физичка, видимо, догадалась, кто над ней подшутил, и стала на пацанах отыгрываться пуще прежнего.

Они тоже были не лыком шиты, и в следующий раз решили выписать ей доильный аппарат. Да такой, чтоб побольше и потяжелее.

Санча-Панса наблюдали за учительницей из-за угла соседнего дома, когда та выволакивала на крыльцо почты довольно объёмистую коробку, а потом, отдуваясь и едва переводя дух, тащила её в сторону дома, останавливаясь через каждые десять-пятнадцать шагов и подолгу отдыхая.

Конечно, на следующий день она «озверела»...

После этого небольшая квартирка неукротимой учительницы пополнилась самоваром, лодочным мотором, гусеницами для «Бурана» и десятком других, совершенно не нужных ей вещей.

Но наступательно-оборонительные действия не прекращались. И когда физичка выставила им двойки в дневник за первое полугодие и заставила все зимние каникулы ходить в школу, чтобы их исправлять, пацаны предприняли очередной военный манёвр. В последний день зимних каникул Санька предложил:

— Слышь, Пашка, а давай сегодня ночью у физички все окна в доме чёрной краской закрасим. У меня дома много акварельных красок лежит. Все цвета измазаны, а чёрный цвет во всех наборах почти не тронут.

— А как мы окна-то измажем, они же большие?

³ Искажённое от «Санчо Панса» — персонаж романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», оруженосец Дон Кихота.

⁴ Наложенный платёж — форма оплаты товара, заказанного покупателем по каталогу, при его получении.

— А мы чёрную краску водой разведём — чтоб погуще было — и в пластиковые бутылки из-под лимонада перельём.

— Ну и что потом?

— А потом в пробках дырки сделаем и по окнам разбрызгаем. По телевизору морозы обещали — вода сразу к стёклам примёрзнет...

— Так она же догадается, что это мы!

— Да ну! Сейчас святки — все кудесят⁵. На нас точно не подумают! Мало ли кто это мог быть!

— А коли поймают?

— Ночи тёмные, не поймают. А завтра как раз первым уроком физика. Вот будет клёво, если она проспит...

На следующий день физики не было — проспала. Видимо, не помог даже будильник. Весь первый урок их шумный класс стоял на ушах, а завуч с директором носились по школе, успокаивая расшумевшихся учеников, и обрывали телефон физичке.

Молоденькой учительнице вклеили выговор, а она, конечно, сразу догадалась, чьих это рук дело. Незамедлительно началась уже нешуточная баталия между ними и не пожелавшей сдаваться учителькой — она старательно давила их «неудами», а они её — ещё большими издевательствами.

— Санька, надо срочно предпринять что-то новенькое, чтоб физичка не расслаблялась.

— А давай на магазине объявление повесим «Продаются гусеницы от снегохода». И укажем её адрес и телефон.

— Давай!

Сказано — сделано. На следующий день разгневанная физичка по три раза вызывала их к доске, вклеив каждому по три «двойки» за один урок.

В девятом классе, когда причудливые затеи по перевоспитанию физички практически иссякли, их поймали-таки на воровстве и отправили в колонию для несовершеннолетних. Так начались их «незаконпослушные приключения». К двадцати пяти годам они отбыли уже не один срок: стоило кому-то из них выйти на свободу, как они, пользуясь случаем, устраивали по этому случаю кутёж, и их снова тянуло «поразвлечься». Конечно, попадались они не всегда вместе и отбывали наказание в разных местах заключения, но тем радостнее были их встречи.

Жители посёлка, как это водится в маленьких поселениях, активно обсуждали и осуждали воришек-приятелей, а физичка ликовала. До матерей Санчи-Пансы доходили слухи, что она не раз высказывалась в учительской, тыча ввысь указательным пальцем:

— А я предупреждала, на что они способны! Не зря, выходит, ставила им «неуды»!

...В небольшом северном посёлке, где выросли Санча-Панса, особых развлечений не имелось, как и предприятий со стабильной зарплатой. Но друзьям удалось найти занятие по душе. Перебиваясь небольшими заработками: кому дрова поколоть, кому воды принести, кому крышу залатать, а кому и забор подправить — они подыскивали между делом среди местных жителей жертву очередного мелкого хищения. Нуждающиеся в помощи одинокие бабушки зачастую попадались на их уловки, даже не подозревая, что молодые помощники замышляют недоброе. А воришки тем временем старательно высматривали места «заначек» и заимствовали из них небольшие суммы (не больше одной-двух бумажных купюр). Это для них было хоть и ненадёжным, но всё же приработком.

Бабули, конечно, не всегда и не сразу, но иногда недосчитывались этих денег:

— Окаянные! Чтобы вам, Санчам-Пансам всяким, пусто было! — угрожающе размахивали клюками вслед уже скрывшимся из виду ворам раздосадованные пенсионерки, но осо-

⁵ Кудесить (разговорное, региональное) — проказничать, шалить, вытворять что-либо.

бого шума не поднимали, по-старчески радуясь тому, что большая часть сбережений осталась нетронутой...

В один из дней друзья нанялись пилить дрова шустренькой одинокой бабулечке и, конечно, высмотрели, куда она припрятала кошелёк после того, как расплатилась с ними за работу.

— Слышь, Санёк, я тут разузнал, что бабуса эта на ночь двери не запирает, а только метлу снаружи приставляет... — заговорщицки поведал Пашка через несколько дней своему другу.

— Зачем это? Чтобы ночью на метле по округе летать? А, я понял! Она совсем не добрая старушка, а только прикидывается! На самом деле её зовут Баба-яга! — захихикал Санька.

— Не, это типа — меня нет дома.

— Понятно: «Меня нет дома — я в потустороннем мире! Я ночью на метле летаю!» — не унимался Санька.

— Санёк, я ведь не шучу! Надо нам к бабусе этой как-нибудь ночью наведаться... Ты видал, сколько у неё денег в заначке?.. — наседал Пашка.

Друзья ещё пару дней разведывали обстановку, и вот однажды ночью Санёк решил наведаться к старушке один, чтобы не наделать много шума.

— Ты возле калитки на шухере стой! А коли эта Баба-яга заголосит — беги и жди меня около твоего дома, — приказал он верному другу Пашке.

Было уже далеко за полночь. Санька осторожно открыл двери в дом и прокрался по коридору в сторону комнаты, где стоял шкаф с заветным кошельком. Там же почивала и старушка.

Будучи заядлой полуночницей, хозяйка как раз только-только улеглась в тёплую постель. Она плоховато видела, но слышала отлично, поэтому сразу почувствовала неладное: обычно навещавшая её соседка громко шаркала подошвами резиновых сапог, а дочка с самого порога начинала громко разговаривать. На этот раз кто-то слишком аккуратно пробирался по коридору, стараясь не шуметь...

Старушка притаилась под одеялом и, испугавшись, но не растерявшись, нажала на лежащем под подушкой мобильном телефоне кнопку «SOS». Сигнал с мобильного в то же мгновение улетел не только соседке, но и дочери, живущей в другом конце посёлка. Бдительные женщины, обеспокоенные не на шутку, сразу выдвинулись в сторону бабулиного дома.

Ничего не подозревающий Санька тем временем рылся в бабушкином шкафу, разыскивая кошелёк.

...Наконец кошелёк был найден, две хрустящие бумажки извлечены, кошелёк возвращён на место...

Воришка двинулся к выходу и лицом к лицу столкнулся с вмиг дико заголосившей соседкой. Причём орала она странные слова:

— Пожар! Насилуют! Грабят! Убивают!

И снова:

— Пожар! Насилуют! Грабят! Убивают!

Санька не то что насиловать — он даже пальцем тронуть её боялся! Ему самому не терпелось как можно скорее выскользнуть из её цепких рук и удрать! Воришка оборонялся как мог, но неугомонная баба всё наседала, удерживая его за рукав куртки с безумной силой. Другой рукой она была пойманного преступника что есть мочи, да не просто так была, а всё по голове норовила попасть, зараза! И при этом, как назло, орала до того громко, что, казалось, разбудила всех собак в округе! Санча пытался защищаться от ударов внезапно напавшей на него в темноте страшной женщины, но не тут-то было! Он был совсем другой весовой категории — маленький, щупленький, а она — баба рослая, в теле, жилистая...

У бедолаги от дикого крика и побоев разъярённой представительницы прекрасного пола вдруг невыносимо заболела голова, он не на шутку испугался, обмяк и взмолился:

— Да отпусти ты меня!

— Как же! Сейчас! Отпущу! — заорала она пуще прежнего и ещё сильнее стала колотить парня по голове, умудрившись даже пару раз поддать ему коленкой под зад.

А в дверном проёме тёмной комнаты зловеще вырисовывалась тень проучившей его старухи. Санька при виде этой тени чуть не грохнулся в обморок.

Тем временем к дому уже спешили дочка бабули с мужем, детьми и сбежавшимися на дикий рёв соседями...

Пашка, почуяв неладное, растворился в ночной темноте. Так он предал закадычного друга первый и единственный раз в жизни...

Конечно, Санчу снова посадили. На этот раз он в темноте вытащил из кошелька бабули две пятидесятых купюры, так что срок, с учётом его предыдущих «подвигов» и отягчающих обстоятельств, оказался немалый — три с половиной года лишения свободы. И тем не менее Санёк был благодарен Пашке, что тот исчез, бросив его на месте преступления, иначе приговор был бы ещё суровее.

Санька отсидел почти полтора года, а потом началась спецоперация. Он раздумывал недолго — решил вступить в ЧВК «Вагнер». Находясь в заключении и прекрасно понимая, что ему придётся либо отбыть полный срок и, вернувшись домой, снова продолжить промышлять мелкими «заработками» до следующего «прокола», либо, используя представившуюся возможность, выйти «на свободу с чистой совестью», да ещё при этом прилично заработать, он выбрал последнее.

Купив у знающих людей телефонный звонок, Санька позвонил другу, чтоб рассказать о своём намерении. Пашка, полтора года казнивший себя за тот предательский ночной побег, несказанно обрадовался звонку. Значит, простил! Услышав от Санчи о его выборе, Панса, чтоб искупить вину перед другом за свою полуночную трусость, тоже решил идти на СВО. Добровольцем.

Утром следующего дня Пашка направился в военкомат. К счастью, его душевный порыв оказался не напрасным. Он получил направление на медкомиссию и, пройдя все соответствующие процедуры, снова явился в комиссариат для подписания контракта. Военком долго изучал представленные документы, то и дело внимательно поглядывая на добровольца сквозь толстые линзы круглых очков.

— Позывной выбрал? — строго спросил он, в очередной раз подняв глаза на уже успешного заволноваться Павла. Тот не задумываясь ответил:

— Панса.

— Что ещё за «Панса»?! Если бы «Пацан», то ещё понимаю, а «Панса» — странно как-то...

— Тогда, может, «Пятый»? — тут же оживился Пашка, подумав: «Всегда хотел на пятёрки учиться, но не мог, так может, хоть сейчас пятёрки получать буду!»

— Числовые позывные тоже брать не рекомендуется! До учебки успевай! А то командир над твоим позывным долго думать не станет!..

Пашка, выскочив из кабинета, не мешкая достал телефон и набрал номер, с которого несколько дней назад ему звонил Санька. Телефон долго не отвечал, затем полусонный голос недовольно произнёс:

— Алё!

— Мне бы Александра... — робко произнёс Пашка, впервые за много лет уважительно назвав друга по полному имени: «Надо же, какое имя-то у него красивое! Не думал даже...»

— Какого ещё Александра?! — прервал его размышления тот же самый недовольный голос. — Ты ничего не попутал, братан?!

— Саньку! Санчу! Ошибся я! Он мне с этого номера недавно звонил!

— С этого? Странно... — трубка громко задышала.

«Зря, наверное, я позвонил. Вдруг Саньку подведу? Может, он мне втихаря звонил?» — размышлял Пашка, внимательно слушая то утихающее, то усиливающееся дыхание явно идущего куда-то человека.

— Да! Кто это? — наконец Пашка услышал приглушённый голос друга.

— Привет, Санёк! Это Пашка! Панса то есть! Я подписал контракт. Не знаю, какой мне взять позывной. Хотел взять «Пятый», но комиссар сказал, что числа брать не рекомендуется...

— Ты чё?! — удивился Санька. — Я думал, что «Санчу» возьму, а ты «Пансу»!

— Я был не прочь, но комиссару он тоже не понравился! Вот я и решил стать «Пятым», чтоб созвучно было...

— Ну тогда возьми позывной «Пятак», а я «Четвертаком» стану, — шутливо отозвался Санька.

— А чё, мне нравится! Давай! А ты что надумал? Пойдёшь в «Вагнер»?

— На следующей неделе буду контракт подписывать...

— Ну тогда ТАМ и встретимся!

— Конечно!

— Значит, «Четвертак» и «Пятак»? Договорились?

— Ага!

Так ненароком друзья обзавелись позывными «Пятак» и «Четвертак».

И вот теперь Пашка ехал в сторону Ростова-на-Дону, чтобы попасть в учебный центр, а оттуда напрямик «за ленточку». Он мечтал встретить на передовой закадычного друга Саньку, чтобы вместе с ним вершить свой боевой путь. Что сейчас мог рассказать он о себе? Пока ровным счётом ничего.

Бессонная ночь не прошла даром, и под утро Павел забылся тревожным сном. А вот Влад с дедом Елисеем поднялись рано. Четвёртый пассажир их плацкартного купе, спавший весь предыдущий вечер на верхней полке (или притворявшийся, что спит), сошёл ночью на одной из остановок, так и не познакомившись и даже не попрощавшись со своими попутчиками.

Дед Елисей, первым заметивший исчезновение таинственного соседа, принялся тут же проверять карманы своей куртки. Так, на всякий случай. Влад же, почувствовавший вечернее угрюмое настроение Павла, тихонько попросил:

— Не трогай ты Павла, дед Елисей. Захочет — сам расскажет. Видно, не просто так молчит. Не бреди ему душу.

Пашка так и не решился открыться своим попутчикам: до полудня не слезал с верхней полки, а когда дед Елисей с Владом принялись играть в карты, тут уж Пашка не вытерпел. «Дурака» он пропустить никак не мог. Через пару партий, поняв, что допроса не будет, успокоился и даже развеселился.

Пока крыл карты и по привычке запоминал вышедшие из игры масти, Пашка попутно вспоминал, как они с Санькой любили играть в «подкидного» или «переводного». Уговор «не жульничать» никогда не нарушали. Выигрывал чаще Санька, но Пашка не переживал — ему важен был сам процесс. «Эх, встречу Саньку, и в дурака с ним сыграю, и по душам поговорим. Вот ему я всё готов рассказывать без утайки. Да и повиниться мне перед ним надо бы», — размышлял он, исподволь подмечая, не жульничают ли его партнёры по игре.

Долгожданная встреча Саньки и Пашки

Встретились друзья примерно через полгода у Горловки. Их расчёты оказались неподалёку. Они оба были заряжающими артиллерийских орудий, только Санька — на самоходке, а Пашка — на буксируемой гаубице. Теперь они гордо величали своих боевых товарищей по позывным. Это тебе не клички на зоне...

Они проговорили почти всю ночь. Вспоминали детство, родителей, сожалели, что не по той дорожке шагали:

— Надо было идти служить в армию, а не заниматься всякой ерундой! Так ведь, Санёк? — Пашка докурил сигарету и тщательно затушил окурок о сырую придорожную кочку.

— Так-то оно так! — сокрушался в ответ Санька. — Эх, а жить-то как хочется! Ты знаешь, я ведь только здесь понял, что и не жил-то вовсе! У меня такая мать замечательная! И зачем я её расстраивал?! Она ведь переживает за меня, дурака...

— Так и я дураком был! Оба мы дураки!

— Здесь настоящие парни воюют!..

— Да, здесь трусам не место...

— Ты знаешь, Пашка, я ведь, наверное, когда спецоперация закончится, дальше служить останусь. Буду матери и брату Петьке деньгами помогать и в гости к ним приезжать. Я хочу, чтобы моя мать мной гордилась! И Петька тоже.

— А я домой вернусь. Мать у меня уже старенькая, поддержать её некому — один я у неё. Я и твоей матери тоже помогать буду — дрова ей буду колоть, воду таскать, а ты почаще к нам приезжай!

— Эх, вот закончим спецоперацию, женимся! — Санька, как в былые времена, потрепал друга за плечо. — На свадьбе друг у друга нагуляемся! Сначала я тебя женю — невесту тебе приличную разыщу, а потом и сам...

— Да, есть такая мысль... Не всё же нам с тобой холостыми ходить! — Пашка, поняв, что друг окончательно простил его за былое предательство, развеселился.

...Под утро друзья простились, договорившись, что будут встречаться каждую ночь, пока их расчёты не передислоцировали.

На следующую ночь Санька не явился. Пашка незаметно уснул, ожидая товарища, а утром узнал, что расчёт, в котором служил «Четвертак», внезапно перекинули в сторону Макеевки...

Вскоре они встретились, но...

...На следующий день после встречи с другом Санька был изрешечён пулями во время атаки украинских беспилотников. Изрешечён до неузнаваемости, поэтому установить его личность сразу не смогли, пришлось отправлять тело в Центр-522 для проведения опознания по отпечаткам пальцев.

Через три дня после этого Пашку раздавило вражеским танком. Произошло это, когда их расчёт, отстрелявшись, откатывался в укрытие. Его нашли не сразу. Тело «Пятака» тоже было очень сильно изувечено...

В Центр-522 тела Саньки и Пашки доставляли одним рейсом. Это была их последняя дружеская встреча.

В феврале 2023 года мать Саньки не получила от сына весточку — денежный перевод на банковскую карточку. Обычно перевод приходил каждый месяц уже в течение полугода, и приходил в один и тот же день — девятого числа, потому она заволновалась, выждала несколько тревожных деньков и побежала к матери Пашки разузнать, не случилось ли чего. Та сообщила, что в этом месяце тоже не получила весточки от сына. Обеспокоенные женщины принялись

звонить сыновьям, но телефоны обоих молчали. «Видимо, бойцы на задании, а выплаты просто задерживают, — решили они. — Не могло же сразу с обоими сыновьями что-то случиться...».

В середине марта матери, снова не получив ни писем, ни денежных переводов от сыновей, принялись звонить в военкомат. Но и там никакими сведениями не располагали. Соседи посоветовали лично явиться в военкомат и написать заявление об установлении местонахождения их детей. Через несколько дней не на шутку обеспокоенные женщины и в самом деле решили отправиться в военкомат.

Военкомат находился в районном центре, расположенном за рекой от их посёлка. До райцентра зимой можно было добраться на машине по накатанной через реку ледяной переправе, а летом — на лодке. Но весной машины ходили редко, так как на реке было много талой воды и не каждый водитель готов был рисковать своим железным конём. А уж в эту весну из-за ранней оттепели вода в некоторых местах не схватывалась ледком даже ночью.

— Как же мы через реку-то переберёмся? — сокрушалась мать Саньки.

— Да уж, в такую пору можно не просто застрять на реке, но и уйти под воду вместе с автомобилем.

— Вот незадача, может, до мая подождём, пока река не вскрыется и лёд в море не вынесет? Тогда на лодке можно будет в райцентр добраться. А в марте-апреле никто не поедет. Река сейчас очень коварна.

— И до лета ждать — душу томить. Где они? Живы ли?

Думали-думали матери и решили отправиться в райцентр через реку пешком, взяв с собой на всякий случай собаку, лыжные палки и санки.

Вышли ещё затемно, чтоб к вечеру успеть вернуться в посёлок. Путь был неблизкий — сначала три километра через русло реки, потом порядка двух километров через пойменные луга.

Конечно, они боялись повстречать волков, потому и позвали с собой верного Юрса — храброго пса полудворовой-полуохотничьей породы.

Через реку вела едва заметная тропинка, натопанная такими же отчаянными односельчанами, стремящимися попасть в районный центр: одни спешили в больницу (одну на всю округу), другие — на юбилей к родным, третьи — нянчиться с внуками, а кто-то и на работу. На реке ещё по-зимнему торчали торосы, из-за которых противоположный берег в утренней позёмке был едва различим. Было полусумрачно, и тропинка постоянно терялась, прячась за торосами.

Вдоль берегов выступила вода, да и на реке виднелись многочисленные полыньи. Женщины, чтобы преодолеть водные преграды, образовавшиеся на их пути, вставляли коленками на санки и, отталкиваясь лыжными палками, переезжали через тёмно-жёлтые лужи.

По пути они вспоминали случаи про волков, преследовавших односельчан по зимней реке, про медведя, погубившего бабулю, сумевшую-таки спасти от него свою внучку.

— А помнишь Катюху, девчонку-соседку, что года три назад заплутала перед самым Новым годом среди торосов?

— Как такое забудешь? Решила сделать родителям на Новый год сюрприз, да и погибла на реке.

— И зачем она втайне от них побежала через речку из райцентра в посёлок?

— Так кто теперь разберёт...

— Наверное, в темноте сбилась с пути.

— И как она сбилась, не пойму, огни вон как в темноте светятся...

— Так это сейчас, когда пурги нет...

— Ну да, ты права.

Года два-три назад в посёлке долго обсуждали случай, как в нескольких десятках метров от берега погибла молодая девушка-студентка, замёрзнув среди ледяных торосов... Моло-

дой человек перед самыми новогодними каникулами сделал ей предложение, и она, сгорая от радости, прилетела на самолёте в райцентр — очень хотелось сообщить родителям, что выходит замуж. Не по телефону, а так, чтоб глаза в глаза. Родители ничего о её приезде не знали и хватились дочери только через несколько дней, когда позвонил её жених... Девушку тогда искали всем посёлком, а нашли недалеко от берега — она сидела, как живая, упёршись плечом о ледяную глыбу.

— Ой, соседushка, реку-то мы перейдём, а дальше что? Там же пойма, луга. По ним долгонько добираться придётся.

Часа через три женщины перебрались через реку. Уже совсем рассвело. Впереди за невысоким речным угором широко раскинулись пойменные луга, сплошь покрытые ровным слоем толстого весеннего наста. Выглянувшее из-за пышных облаков солнышко искрило подтаявший снег, и он переливался всеми цветами радуги, ярко вспыхивая весёлыми огоньками. Казалось, будто маленькие светлячки, радуясь приближению весны, перемигиваются, прыгая по сугробам и играя в какие-то свои забавные игры.

Еле стоявшие на ногах женщины выползли по пологому угору на крепкий наст и попробовали по нему идти. Заметив, что тропинка пошла под уклон, они, не сговариваясь, уселись каждая на свои санки и покатались по насту, помогая себе лыжными палками. Через полчаса соседки уже с ветерком въезжали в райцентр.

В военкомате было тихо и безлюдно. В коридорных потёмках женщины с трудом отыскали табличку с надписью «Военный комиссар» и робко постучали в двери.

— Войдите! — ответ был краток.

— Здравствуйте! Мы насчёт сыновей... — робко начала мать Саньки.

Как они преодолели обратный путь в посёлок — страшно вспоминать, но через две недели обеим матерям сообщили, что их сыновья погибли, защищая честь Родины в ходе специальной военной операции.

Семьи получили хорошие пособия от государства, судимость Саньки была погашена, а у каждой из матерей появилось там — на небе — сразу по два ангела-хранителя, чутко оберегающих теперь их материнский покой и защищающих от всяческих невзгод: Санча и Панса — Санька и Пашка. Озорные смешливые ребята, совершившие немало жизненных ошибок и искупившие их ценой собственной жизни. Добрые русские парни и любящие сыновья, так и не успевшие жениться и воспитать собственных детей.

О дальнейшей судьбе Павла Влад узнает много позднее: ему на глаза попадётся статья одной из районных газет с сообщением о гибели двух отважных друзей — двух героев — Александра и Павла.

Но пока Пашка трясся в шумном вагоне вместе с Владом и дедом Елисеём, играл с ними в картишки и грезил встречей со своим закадычным другом Санькой. И Влад, и дед Елисей, и сам Пашка понимали, что эта дорога может оказаться для каждого из них дорогой в один конец, но упорно об этом не упоминали, чтобы не накаркать.

— Так, парни, я беру перекур! — не выдержал наконец дед Елисей.

— А мы ещё сыгранём! Да, Влад?

— Ну давай! Ещё пару партий можно, а потом расходимся! — Владу уже давно надоело играть, но, чтоб уважить Павла, он стойко продержался до конца второй игры. Дед Елисей тем временем достал из портфеля планшет и, поймав на одной из долгих стоянок интернет, принялся вычитывать последние интернет-новости.

— Елисей Иванович, — обратился Влад к деду, лишь закончилась партия, — а ведь ты сам-то нам ничего о себе так и не рассказал, кроме того, что работал учителем истории. Или есть что скрывать?

— А он не хочет, и я не стану, — отмахнулся дед Елисей, не желая отрываться от новостной ленты.

— Нет, так не пойдёт! Я вам всё как на духу выложил. А вы меня, значит, игнорите?

— Что за слово такое — игнорите! Напридумывали словечек! Ладно он, — дед кивнул на Павла, — и ты туда же! По-нормальному, по-русски говорить надо!

— А ты сам всякими странными выражениями не грешишь разве?! А ещё учитель! — полусердито буркнул Павел.

— Ну, мне уже по возрасту и по статусу положено! — примирительно произнёс дед. — У нас раньше знаете, какие словечки выискивались, когда мы собирались в учительской после очередной хулиганской выходки своих учеников?!

— Елисей Иванович! — строго повторил Влад. — Не уходи в сторону, а то мы тебя на «Вы» называть начнём.

Дед Елисей заулыбался:

— Ну ладно, слушайте, коли любопытные такие. Родом я из Данилова. Там родился, там и вырос. В школе номер двенадцать всю жизнь учителем истории работал. Почти с самого её открытия и до пенсии. Был женат. Жена умерла давно, да и дети мои уж состариться успели, а я вот всё живу.

— А куда едешь? Или вместе с нами в Ростове выйдешь? Есть же ещё порох в пороховницах! — не к месту пошутил Павел.

— Я с удовольствием, если б взяли! Поваром точно сгодился бы, так ведь не берут. Я уж просился — негодный. А еду я сначала в Сочи, а потом в Севастополь, к сыну. На старости лет решился-таки на расцветающий весной Севастополь хоть одним глазком взглянуть. Уж больно город красивый. Сын старший там с семьёй живёт — он военный моряк, а я ни разу в гостях не был. Раньше сначала некогда было — до семидесяти лет работал, а потом трудности какие-то начались — сын отговаривал, чтоб не ездил, беспокойно, мол. Сейчас, когда Крым нашим стал, я и собрался. А мимо Сочи никак проехать не смог — уж больно этот город люблю. Пока жена жива была, несколько раз там бывали, вот и решил сначала в Сочи на несколько дней привернуть, а уж оттуда и в Крым податься.

— И ты, папаша, решил за двумя зайцами угнаться!.. — начал было Павел.

— В Сочи я ещё не бывал, а Севастополь и правда очень красивый! — перебил Павла Влад. — Мы с Алёнкой три года назад туда отдыхать ездили. У нас друзья в двадцатом году квартиру купили, вот мы к ним на новоселье и собрались. По Севастополю можно гулять бесконечно!..

— Ну, бесконечно я не смогу — годы уже не те, — а вот по набережной обязательно пройду.

Дед зажмурился, словно от яркого севастопольского солнца, вздохнул глубоко и продолжил:

— Два сына у меня, четыре внука и уже три правнука. И всё парни! Вот какой я богатый. Один сын с семьёй в Севастополе обосновался, а второй — около меня, в деревне недалеко от Данилова живёт.

— А твои-то парни что ж на СВО не собираются? — Павел искоса глянул на деда Елисея.

— Отчего ж не собираются? Собираются. Сын в первых рядах защитников Севастополя был, когда Крым к России присоединяли. До сих пор служит, хоть и в отставку давно пора. Да и внук мой младшенький Стасик, что из-под Данилова, скоро полгода будет, как ТАМ. Собирался на два-три месяца, а уж шесть воюет, — и, повернувшись к Владу, добавил. — Он ведь, как и ты, дронавод.

Шестой

Стас рано женился...

Все считали его очень красивым. Девчонки, приезжавшие на летние каникулы погостить в их деревню, влюблялись в него с первого взгляда. Стас тоже так считал, но очень стеснялся своей красоты. Он ощущал себя не в своей тарелке и даже немного обижался, когда, проходя мимо стоявших у сельского колодца бабуль, слышал вслед:

— Ох и знатный парнишка у Зинаиды вырос: и лицом красив, и фигурой статен, и высок, и умён, и по девкам не таскается!

— Да уж! Правду говорят, что ум человека на его лице написан. Это точно про Стасика Шестакова! И образование высшее смог получить! Техническое! Да ещё и бесплатно!

— И непростое образование-то, а мудрёное какое-то! Уж достанется кому парнишка — точно на радость!..

Стас не особо верил таким речам, прекрасно зная, что скрывается за ними. Ещё не зарубцевалась рана, оставшаяся в памяти после таких же похвал, случайно услышанных однажды. Будучи подростком, проходил он как-то мимо местного сельпо, на крыльце которого стояли несколько деревенских женщин. Тогда Стас краем уха уловил тихую фразу, сказанную в его адрес вполголоса одной из бабулек:

— И надо же, у Зинки — зэчки в третьем поколении — и вдруг такой знатный парень! Странно!

— Ты с чего это взяла-то?!

— Так она же внучка и дочка зэков! И сама она в тюрьме родилась. Вот и получается — зэчка в третьем поколении...

Стас резко затормозил и даже сделал шаг в сторону говоривших. Женщины, почуяв неладное, поспешно отвернулись и стали активно обсуждать сельское начальство, разорившее их совхоз-миллионер и распродавшее за бесценок совхозное имущество...

Всю дорогу до дома Стас обдумывал услышанное. Он прекрасно понимал значение слов «зэк» и «зэчка». Придя домой, спросил у матери:

— Мам, это правда, что мои бабушка и дед — зэки?

Мать охнула и опустилась на стул возле печи:

— Кто тебе сказал?

— Так тётки около магазина болтали...

— Я этим тёткам сейчас задам жару! — мать метнулась к вешалке, схватила тужурку.

— Мам...

Мать повернулась к Стасу, глянула на него, потом безвольно опустила руки и присела на табурет у двери.

— Кто это был? Петровна с Захаровой? — тихо спросила мать.

— Я не узнал — они спиной стояли, — соврал Стас. — Так это правда? Мам, я не стану вас из-за этого меньше любить, просто мне надо знать...

Мать помолчала, потом махнула рукой:

— Ладно, сынок, думаю, что отец не осудит меня, если я тебе расскажу. Надо было раньше тебе об этом поведать. Секрета здесь, собственно, никакого и нет...

И мать начала свой рассказ:

— Так случилось, что во время сталинских репрессий мои родители родились в местах лишения свободы. Конечно, тюрьма и колония-поселение — это не одно и то же, но суть та же. Обе мои бабушки по отцу и по матери — твои прабабушки Нюра и Лизавета — были осуждены и отбывали наказание в одной колонии. Там они и подружились.

— А за что они туда попали?

— Нюра была очень хорошей женщиной. Но в довоенное и послевоенное время выживать в Советском Союзе было непросто — сосед доносил на соседа, брат на брата, сват на свата... Всем было голодно, а голод, как известно, не тётка. Поэтому у тех, кто получше жить начинал, сразу появлялись завистники. Они и доносили куда следует.

— Ну, одно дело донести, а другое — доказать!

— Так никто особо и не хотел разбираться, правда или нет написана в доносе, и уж тем более — доказывать. Власти боялись фашистских провокаторов, шатающихся после войны по русской земле и вербующих советских граждан. Людей арестовывали, увозили куда-то, и зачастую домой они не возвращались. Вот так — по доносу — твою прабабушку Нюру, после войны работавшую продавщицей в магазине, и посадили за растрату. Сначала она в тюрьме сидела, а потом оказалась в колонии-поселении где-то ближе к Сибири.

— Конечно, мы проходили по истории, что с тридцать седьмого по пятьдесят третий годы в Советском Союзе шли сталинские репрессии, но чтоб так...

— Именно так это и происходило. Ну, а другая моя бабушка по матери, звали её Лизавета — твоя прабабка — была осуждена, смешно сказать, за утаченную с работы метлу.

— За метлу?! Ну это уж точно чересчур!..

— Кто ж теперь знает, чересчур или нет... Лизавета рассказывала, что занималась изготовлением метёлок для уборки улиц. Раньше ведь дворы и тротуары дворниками убирались, а не машинами, как сейчас. Мётлы для дворников делали из специально заготовленных для этих целей виц. И вязались эти мётлы по стандарту — строго установленной длины — чтоб все были одинаковые. Те вицы, что оказывались короче, надлежало отправлять на сжигание, но Лизавета надумала вязать из них мётлы для личных нужд.

— Нестандарт, так сказать.

— Ну да, нестандарт. А в домашнем хозяйстве какая разница — стандарт или нестандарт, да и соседи заказывали. К слову сказать, раньше мётлы большим спросом пользовались и считались дефицитом, в магазине-то ими не торговали. Вот Лизавета и помогала людям, чем могла. И денег никогда за это не брала — стыдно было. Однажды её попросили в местную школу пару-тройку метёлок сделать. Она и сделала. Но кому-то это не понравилось, и на неё уголовное дело завели — за хищение государственного имущества. Как ты считаешь — справедливо?

— Не поверю я, что она за мётлы денег не брала...

— А я верю! Время раньше иное было — люди добро друг другу просто так делали. И родители мои такими были. И нас так воспитывали. Это сейчас все за длинным рублём гонятся, а в те годы не богатство ценностью считалось. Без подлецов, конечно, не обходилось. Куда уж без них — без подлецов! И рвачи, и сплетники, и доноскики имелись, но хороших людей намного больше было.

— Подожди, мама. А ты про бабу Нюру-то ещё не всё рассказала. А её за что осудили?

— Ну, Нюра по секрету мне поведала, когда я уже взрослая была и замуж вышла, что она тогда работала в паре с женщиной, у которой было пятеро детей. Сама Нюра в то время ещё молодая была, неопытная. И мужа у неё не было, а значит, и заступиться никто не мог. В конце года в магазин всегда ревизия приходила — остатки товаров сводили. Нюра, чтоб подготовиться к ревизии, предложила своей напарнице заранее остатки свести. Они принялись считать и выявили приличную недостачу. Нюра была в ужасе, но проблему надо было как-то решать, поэтому ничего не подозревающая Нюра предложила напарнице разделить недостающую сумму пополам и вложить деньги в кассу до прихода ревизоров. Недостача приличная была, и Нюра весь вечер бегала по соседям, занимая деньги в долг до зарплаты, чтоб утром вложить в кассу половину недоимки. А наутро бабу Нюру арестовали — напарница не промах оказалась, донесла куда следует...

— А как же она смогла так быстро донести?

— В милицию сразу после работы побежала — отделения милиции тогда в каждом населённом пункте были, да ещё и не по одному — и заявление на Нюру написала, что та якобы каждый день продукты домой уносила да ещё и украдкой в долг людям давала. Это всё, что я знаю...

— А ты сама веришь, что твоя бабушка могла красть в магазине продукты?

— Не верю, конечно! Баба Нюра же одинокая была. Зачем бы ей понадобилось воровать столько продуктов?! Скорее я поверю, что это делала её напарница ради своих пятерых детей. Но, к сожалению, напарница оказалась хитрее, поэтому всю недостачу повесили на нашу бабу Нюру.

— Значит, баба Таня и деда Витя — оба в тюрьме родились и там до самой свадьбы жили?

— Нет, не так дело было. Лизавета с Нюрой встретились и подружились, когда уже были переведены из тюрьмы в колонию-поселение. Все эти годы они помогали друг другу. Сначала у Лизаветы родилась девочка Татьяна, а ещё через шесть лет у Нюры родился сын Виктор. Татьяна и Виктор — это мои родители.

— Так Лизавета с Нюрой там замуж, что ли, вышли?

— Лизавета ещё до тюрьмы замуж вышла, а Нюра в тюрьме от охранника забеременела. Она очень красивая была, вот конвоиры ей проходу и не давали. Один в неё по уши влюбился, жениться даже хотел, но она ни в какую не соглашалась — зачем ему биографию портить, она же зэчка...

— Вот это да! Как всё запуталось! Прабабушки в колонии подружились, бабушка с дедом там родились, да ещё и прадед конвоиром оказался... Странно!..

Мать ухмыльнулась:

— Да, ирония судьбы. Татьяна и Виктор не просто родились в колонии. Шестилетняя Татьяна своего будущего мужа Виктора в люльке укачивала и колыбельные песни ему пела, когда их матери на работу уходили.

— Так всю жизнь там и прожили?

— Нет, конечно. После отбытия срока Лизавета и Нюра разъехались по разным местам и вскоре потерялись. Раньше мобильных телефонов не было. Упустить друг друга из виду запросто можно было. А отыскать непросто.

— А почему женщины из магазина говорили, что ты тоже в тюрьме родилась?

— И это правда. Нюра с Лизаветой расстались и почти пятнадцать лет ничего не знали друг о друге. А моя мать — твоя бабушка Таня — познакомилась с моим отцом — дедом Витей — по воле случая, когда после окончания торгового техникума попала по распределению в деревню близ города Данилова, где жила семья Виктора.

— Разве так бывает?

— Бывает... Виктор к тому времени уже отсидел срок за воровство, но Татьяна сразу влюбилась и, не раздумывая, согласилась выйти замуж. Виктор на радостях познакомил её с родителями, однако те не желали родниться невесть с кем. И вот однажды они нагрянули в гости к матери Татьяны, чтобы познакомиться поближе и при случае посвататься...

— Без предупреждения?!

— Конечно! Раньше так заведено было — в гости всегда без приглашения ходили.

— Как интересно! А почему?

— Я не знаю, но это было в порядке вещей. И вот когда Лизавета и Нюра встретились, они тотчас узнали друг друга. Радости и удивлению не было предела. Татьяна и Виктор вскоре поженились, а потом в магазине, где работала Татьяна, тоже, как когда-то у Нюры, выявили недостачу. Татьяну, как жену зэка, посадили за растрату, особо не разбираясь. А Татьяна к тому времени уже мной беременна была... Поэтому сейчас я смело заявляю тебе, что мои предки — два поколения зэков, и сама я в тюрьме родилась. Вот и выходит — зэчка в третьем поколении!..

— Мам, ну зачем ты так?..

— Я рада, что душу облегчила, — мать грустно вздохнула.

Затем, вдруг развеселившись, добавила:

— Ну а если кто тебя обижать будет, смело рви на себе рубаху и ори, что твои родители — эки, нашему роду не привыкать себя защищать! Морда в крови, но наша берёт!

— А баба Нюра так замуж и не вышла после лагеря?

— Почему?! Разыскал её тот конвоир, приехал следом, поженились они. Только недолго он прожил, рано она одинокой осталась, так больше замуж и не захотела выходить, хотя многие потом сватались.

— Ты знаешь, мам, а мне нисколько не стыдно за своих предков! Все в жизни совершают ошибки. Главное — уметь их вовремя исправить. И если мои родные были в чём-то виноваты, то уже давно сполна искупили свою вину перед людьми и перед Родиной. А коли они пострадали несправедливо, то мне уж точно стыдиться нечего! Спасибо тебе, мам. Я очень тебя люблю!

Пятнадцатилетний Стас обнял мать за плечи и крепко прижал к себе...

— И я тебя, сынок!

...Их богом забытая деревенька, затерявшаяся среди лугов и берёзовых рощ, уже пережила свои лучшие времена. Раньше здесь был совхоз-миллионер. Жизнь была ключом. Были и детский сад, и школа, и медпункт, и даже аэропорт, куда каждый день прилетали самолёты из райцентра.

В былые времена в совхозном гараже стояло порядка тридцати сельхозмашин, в коровнике насчитывалось больше ста голов скота. Был свой свинарник — лучший в районе. И совхозная конюшня славилась на всю округу — лошадки были все как на подбор: резвые, чистые, ухоженные, стойкие к гужевому извозу и к тяжёлой пахотной работе. Совхозники ласково называли своих лошадок «ярославками». И, действительно, лошадки обладали «крутым ходом в условиях бездорожья», были очень сильными, и в то же время ласковыми, нетребовательными к кормам и не особо восприимчивыми к гнусу.

В цехах по переработке мяса и молока в советское время изготавливали масло, творог, сметану и даже консервы, которыми торговало местное сельпо. А работников, изготавливающих масло, смешно называли маслотяпками.

По весне совхоз засеивал около десяти тысяч гектаров земли. Выращивали бобовые и злаковые культуры, которые зимой шли на корм скоту. Для нужд населения растили рожь, пшеницу, овёс, ячмень и даже жито для деревенской пекарни, чтоб не завозить из райцентра. Это для деревни было большой редкостью — жито, конечно, не такая прихотливая культура, как пшеница, но выращивать его было всё же не так просто. Огромные наделы земли распахивались под картофель и лук. В опытном порядке выращивали и кукурузу. Но больше всего земель было засеяно льном, из которого изготавливали льняную мануфактуру.

Жизнь кипела.

В клубе каждый день катили фильмы, и каждую неделю обязательно устраивалась дискотека: молодёжь приносила из дома грампластинки с модными песнями, и до одиннадцати часов клуб сотрясался от музыкального шума. Ровно в одиннадцать всё умолкало, все расходились. После дискотеки молодёжь шла гулять на дола — так назывались совхозные луга, расположенные за деревней рядом с небольшой извилистой речушкой. Смелчаки выпрашивали в конюшне совхозных лошадей и устраивали скачки на местном аэродроме. Иные пацаны гоняли вокруг деревни на мотоциклах, распуская стайки пискливых девчат, а те, что были посмелее и посолиднее — уже сами катали повзрослевших девчонок.

Летом в деревне гуляли по восемь-десять свадеб. Молодым семьям обязательно давали совхозное жильё — специально для этого совхоз строил довольно вместительные дома-коттеджи на две-три семьи.

Вообще, их деревня считалась в районе самой молодёжной и очень красивой. Речушка, на песчаном пологом берегу которой она приютилась, неглубокая и тёплая, красиво огибала деревню и пряталась в берёзовых рощах, полных грибов и ягод.

В сенокосную пору парни и девчонки переплывали речку наперегонки прямо во время пятнадцатиминутных перерывов, которые любезно представлял им смешливый бригадир, вот уже много лет подряд возглавлявший артель, нанятую на сенокосные работы. Только бригадир решал, какие стога, где и когда следует ставить, какую траву перерабатывать на силос, а какую отдавать сельчанам для личных подсобных хозяйств. Совхозники любили пожилого бригадира за простоту и непредвзятость — он со всеми был ровен и никого, что удивительно, не наказывал за прогулы и разгильдяйство, а лишь материально поощрял за трудолюбие. Потому прогульщиков и разгильдяев на сенокосе попросту не было — все стремились за время сенокосных работ «срубить большую деньги».

А потом всё пропало...

Как-то само собой взяло и пропало: сначала совхоз и детский сад, потом школа, потом медпункт. Сельчане думали, что это временно, что всё ещё образуется, но время шло, и ничего не возвращалось. Когда закрыли среднюю школу, оставив только младшие классы, подростков стали на весь учебный год увозить в районный интернат. Через несколько лет туда же отправили и начальную школу.

Директор школы долго пытался отстоять своё детище, обивая пороги кабинетов районных чиновников и отправляя множество писем в разные инстанции. Толку от этого не было. По достижении пенсионного возраста директора школы с почётом отправили на заслуженный отдых. Учреждение по окончании учебного года реорганизовали, присоединив к более крупной школе, расположенной в соседнем селе за рекой. Здание школы — под шумок и совсем задёшево — выкупила одна районная депутатша. Через полгода она наняла бригаду из местных мужиков, чтобы его разобрать и продать населению на дрова.

С почётом отправленный на пенсию директор, почти двадцать лет руководивший школой и знавший в лицо всех своих выпускников, тяжело переживал эту потерю.

Сначала сельчане недоумевали, когда видели, как когда-то всеми уважаемый и грозный директор, выйдя на берег реки и усевшись на косогоре неподалёку от того места, где ранее стояла школа, что-то объясняет невидимому собеседнику, при этом ещё и оживлённо жестикулируя. Завидя его, земляки старались незаметно отойти подальше. Подростки же, наоборот, ловили момент, чтобы подслушать речи директора и старательно выслеживали несчастного:

— Пацаны, бывший директор школы опять на берегу реки педсовет проводит! Скорее бежим — послушаем, о чём он там на этот раз глаголит!

— Вы что задумали, паразиты?! Ну-ка, брысь! — шикали на них взрослые.

Деревенские жители уже давно поняли, что директор попросту немного «тронулся умом» и по-соседски жалели его. Через полгода директора школы не стало. Первого сентября его там и нашли — на берегу реки, где когда-то гордо возвышалась его школа — лучшая в районе. Он лежал на самом краю косогора, поджав ноги в коленках, подложив руки под голову, и смотрел потухшими глазами на речную гладь, в которой когда-то отражалось здание любимой школы...

Вскоре пришла очередь распрощаться с медпунктом, который и так-то с некоторых пор стал малюсеньким: фельдшер уже давно ютился в боковой комнатёнке сельского совета. А в былые времена в медпункте работали три врача: терапевт (он же педиатр), стоматолог и хирург. Ещё и медсестра-акушерка при них имелаась. И вот всё чаще и чаще до слуха местных жителей стало доноситься странное слово «оптимизация». Сначала жители восприняли его с огромным энтузиазмом — до тех пор, пока не закрыли медпункт. Жителям же по любому поводу предложено было обращаться в райцентр. Легко сказать «обращаться в райцентр», а как это сделать, если до райцентра ехать почти два часа на автобусе? Тем более, что и автобус стал ходить не каждый день, как раньше, а всего раз в неделю...

Деревня пустела. Иные жители давно перебрались «поближе к цивилизации», другие тоже были на той поре.

А вот родители Стаса всё не могли решиться бросить нажитое: дом, который они строили сами, ещё работая в совхозе, хозяйство, состоящее из двух лошадей, коровы, бычка да неказистого тракторишки, доставшегося им по взаимозачёту⁶ ещё при распаде совхоза.

— Мам, а почему вы с отцом не переехали жить в город? Не смогли родную деревню бросить? — поинтересовался однажды Стас.

— Пробовали мы, сынок. Только ничего у нас не вышло.

— Вы уезжали из деревни?

— Да. В «дикие девяностые», незадолго до твоего рождения, был момент, когда совхоз ещё не умер, но зарплату уже не выплачивали полгода, тогда мы решили перебраться в областной центр. Отец устроился сварщиком на завод металлоконструкций, а я продавщицей в продовольственный магазин. Не послушались мы тогда моего свёкра деда Елисея...

— А почему в деревню вернулись? Разве в городе хуже, чем в деревне? — не дал матери договорить Стас.

— Ох, сынок! Как сейчас помню этот ужас, который я однажды пережила, возвращаясь домой — на съёмную квартиру — с работы. Жили мы в пригороде, потому что в городе съёмное жильё очень дорогое было — вот мы и сняли подешевле. Дом, в котором мы поселились, находился за рекой, но рядом с длинным мостом, перейдя который мы сразу попадали в город. На автобусе ехать было дорого, и мы приноровились ходить через мост пешком.

— И не страшно было?

— Поначалу нет. Мы с отцом утром на работу вместе уходили, а вот возвращались в разное время: отец работал до шести, моя же смена в магазине заканчивалась в восемь, поэтому домой я возвращалась намного позднее. Магазин находился прямо за мостом, и я приноровилась ходить с работы пешком. Зарплату в то время выплачивали нерегулярно, но по окончании каждой смены нам разрешали «под запись» брать любые продукты...

— А что значит «под запись»?

— Ну, это значит, что брали мы продукты, а денег за них не платили. Долг записывали в обычную школьную тетрадку, которая лежала рядом с кассой. Тетрадку хранили как зеницу ока, она была специально расчерчена: кто брал, что брал, когда и какую сумму должен вернуть в кассу. А накопившийся долг мы с девчонками-продавщицами возвращали хозяину магазина, когда получали зарплату — через месяц, через два, а то и через полгода.

— И что, тетрадка эта никогда не терялась? — усмехнулся Стас.

— Никогда. Наоборот, при передаче смены мы усердно подсчитывали расходы по магазину, а в конце месяца суммировали по записям в тетрадке долг каждого работника. Всё было очень строго.

— Прямо не верится, что такие наивные люди раньше были! Сожгли бы эту тетрадь к чёртовой матери, чтоб хозяину не повадно было вашу зарплату задерживать! Он же прибыль с торговли имел, а вам зарплату не платил!

— Что ты, сынок! Не могли мы так поступить! — возразила мать. — Сразу чувствуется, что ты в то время не жил!

Мать несколько секунд укоризненно глядела на сына, но вдруг в её взгляде что-то изменилось, и она, покачав в знак согласия головой, добавила:

— Хотя, может, и надо было её сжечь, тетрадь эту!..

— Я бы сжёг!

⁶ Взаимозачёт — способ расчётов в России в девяностые годы XX века, при котором организации уменьшали задолженность перед работниками по заработной плате без выдачи им денежных средств (изделиями, изготавливаемыми на производстве, инвентарём, продуктами, материалами, оборудованием, оказанием каких-либо услуг и пр.)

— Ну так вот. Отец иногда встречал меня около работы, а если сильно устал, то ждал около подъезда и заносил сумки с продуктами на пятый этаж. К моему приходу он успевал разогреть ужин — без меня никогда не садился за стол. Весь в отца своего, Елисея Ивановича.

— Наш папа и правда джентльмен. А дед Елисей, что в Данилове живёт, — весельчак ещё тот! Помню, как он к нам в гости приезжал и со мной нянчился, когда вы оба на работе были. С ним весело было, и я всегда переживал, плакал, когда он в Данилов возвращался.

Мать утвердительно качнула головой, улыбнулась и продолжила:

— Елисей Иванович уговаривал нас к нему в Данилов переехать, но в Данилове в то время работы не нашлось, вот мы в областной центр и подались.

— А что за история-то? Ты про мост какой-то рассказать хотела...

— Сейчас много странных историй про дикие девяностые из уст в уста передаются, как анекдоты. Может, и ещё с кем подобное случалось, но это произошло именно со мной. Так вот, в этот злополучный вечер нагрестила я целый пакет продуктов, дамскую сумочку через плечо перекинула, попрощалась с охранником, внимательно осмотревшим внутренности моего пакета и сумки, и отправилась в сторону дома. А на улице темень несусветная — в «дикие девяностые» фонари на улице почти не горели, один-два на весь околоток зажигались, да и то не всегда...

— А папа в тот день тебя с работы не встречал?

— Нет, не смог. Иду я, значит, не торопясь — ноябрь, снег ещё не выпал, не видать ни зги... Подхожу к мосту, а на тротуаре мужик стоит и на привязи детскую деревянную лошадку держит. А лошадка-то не простая — к копытам большие резиновые колёса от хозяйственной тележки приспособлены. Я думаю: «Вот чудак! За ребёнком, что ли, в садик отправился?» — и хочу его обойти, а он не пропускает. Я замешкалась, а он и говорит: «Садись — прокачу!..» Я опешила от страха: «Как это?!» А он мне лошадку подпихивает: «Садись, кому сказал!»

— У него с головушкой что-то?!

— Я не знаю — чудачков в то время немало по улицам бродило. Страшно мне стало — вокруг ни души! Нечего делать — взгромоздилась я на этого деревянного коника, мужик командовал: «Эскадрон! Вперёд!» — потянул за привязь и покатил меня по мосту. Коник на ямках подпрыгивает и всё норовит меня на асфальт сбросить. Я одной рукой за деревянную голову лошадки ухватила, чтобы не свалиться, а сама ногами что есть сил по асфальту перебираю, пытаюсь равновесие удержать. У меня же ещё в одной руке пакет с продуктами, да дамская сумочка на плече болтается. Как только лошадка на бок начинает заваливаться, мужик тут же принимается неистово дёргать за привязь и орать: «Эскадрон! Подтянись!» От страха, что он коника из-под меня выдернет и тогда мне точно несдобровать, я цепляюсь что есть сил рукой в деревянную гриву, а сама тем временем размышляю: «Убьёт он меня или нет? До середины моста доедем, он продукты отнимет, а меня с моста в воду сбросит, никто и не найдёт... Лучше бы продукты отобрал, но в живых оставил...»

— Ерунда какая-то! И что ему надо-то было?!

— До середины моста ещё не доехали, а у меня уже и сил нет — коник-то детский, от моего веса развалиться может, поэтому я в полную силу сесть на него не решаюсь, так в полусогнутом состоянии, держась одной рукой за конскую голову, и передвигаюсь. А мужик вдруг останавливается и громко объявляет: «Эскадрон! Стой!» Я думаю: «Ну вот и всё! Слезать пора! Убьёт — не убьёт?..» — и начинаю ногу через коника перекидывать. В этот момент мужик принимается снова энергично дёргать за верёвку и орать: «Эскадрон! Готовься! Кавалеристы на правом фланге, вы до финиша скачете! С дистанции не сходить!»

— А почему ты его по голове чем-нибудь сзади не шарахнула?!

— Так испугалась я! Да и возможности не было...

— Обалдеть!..

— А что было делать?! Думала, что до конца моста не выдержу, но потом, как в школе на уроке физкультуры, второе дыхание открылось. Как только ограждение по краю моста закончилось, и дорога пошла под уклон, мужик повернулся ко мне: «Эскадрон! Выходим на финишную прямую! Делайте ваши ставки, господа!» Тут он с небывалой силой потянул за верёвку и, придав моей лошадке ещё большее ускорение, сам помчал со всего маху вперёд, не давая моему конику себя обогнать. Только в тот момент я сообразила, что он задумал: он решил состязаться со мной в скорости! Я хотела спрыгнуть, но мой ретивый конь уже разогнался с горки и нёсся вслед за мужиком, быстро сокращая расстояние. Тогда я отбросила в сторону пакет с продуктами, ухватила двумя руками за голову коня и, задрав ноги кверху, припустила вслед за мужиком, голося на всю ивановскую! Мужик, гад такой, вильнул в сторону как раз в тот момент, когда конь должен был в него врезаться. Конь промчался мимо, унося меня прямо к огромному котловану, вырытому перед мостом. «Сейчас нырну с откоса и сломаю себе шею!» — успела я оценить ситуацию, поняв, куда влечёт меня судьбина.

— Ну и гад же! Не первая ты, видимо, была, кого он в этот котлован нацелил!

— Думаю, да. Но коник мой оказался не так-то прост! Проезжая мимо мужика, он случайно зацепился привязью за его ногу и через несколько секунд, когда верёвка натянулась, мужика подкосило и скинуло с насыпи. Коник мой на ходу развернулся, и, увлекаемый ногой мужика, загремел следом за ним. Я же от резкого рывка отлетела на несколько метров в сторону и благополучно приземлилась в какие-то кусты, растущие вдоль насыпи, отделавшись всего лишь испугом да несколькими синяками.

Мать перевела дыхание, утёрла руками заслезившиеся глаза:

— Сейчас мне и самой вроде смешно, а тогда совсем не до шуток было! Ни жива ни мертва из кустарника вылезаю, гляжу — мужик около насыпи валяется, и коник мой на нём сверху пристроился.

— И ты, конечно, решила проверить, всё ли с ним в порядке?..

— Нет, не решилась. Во-первых, насыпь крутая и высокая, во-вторых, страшно было — темно ведь, а в-третьих, сил уже не осталось. Да и пакет с продуктами на мосту брошен был, надо было идти искать.

— Нашла?

— Нашла. К дому подхожу — муж встречает, а на мне лица нет, дрожу вся от страха и усталости. Сердце успокоиться не может... Но мне и в самом деле повезло. Чего только мы потом не наслушались! Бывали случаи, когда люди через этот мост и на метле скакали, и на мотоцикле в люльке без дна переезжали, и на закорках⁷ у таких же странных мужиков сидели, пока те их через мост переносили (а потом ещё деньги мужикам за это платили), и даже на эластичном канате, как на тарзанке, с моста вниз головой ныряли — лишь бы в живых остаться...

— Отец, наверное, жутко испугался за тебя?

— Конечно! Он кинулся к насыпи, но мужика там уже не было. А я после этого случая одна с работы домой ходить не решалась.

— Поэтому вы и переехали?

— И поэтому тоже. Но была ещё и другая история...

И заметив, что сын нахмурился, мать добавила:

— Не с нами это случилось, но за душу тронуло. До сих пор забыть не могу... — мать грустно вздохнула. — Это произошло с нашей соседкой по дому — сестрой моей коллеги...

— Расскажешь?..

— Конечно расскажу, раз уж начала. Только вот горькая она будет. Она недели через две-три после моего приключения на мосту случилась...

И мать Стаса поведала ему другую историю:

⁷ Нести на закорках (разг.) – нести кого-либо или что-либо на плечах и верхней части спины.

— Жила в соседнем подъезде семья — муж с женой и двое детей. Муж работал шофёром, жена — её Лена звали — медсестрой в больнице, сынишка у них уже в первый класс пошёл, а дочурку каждое утро в детский сад отправляли. Счастливо жили. Сестра этой женщины со мной в магазине работала, потому я и Лену хорошо знала, и всю их семью. А у Лены подружка была незамужняя, тоже в больнице медсестрой работала. Так вот, эта подружка всё время Лену на какие-нибудь авантюры подбивала: то в кино на последний сеанс пригласит, то на ночные посиделки в гости заманит. И всё время без мужа: «Мне с тобой посеCRETничать надо! Душу излить! Давай вдвоём посидим!..» Лена жалела её — одна ведь живёт, жалко. Муж у Лены хороший был, отпускал, а сам с детьми оставался.

— Не понимаю я таких жён, которые своих мужей и детей ради подруги готовы бросить...

— Вот однажды подружка позвала Лену на день рождения, засиделись они допоздна, а потом подружка — она как раз за мостом жила — отправилась Лену домой провожать. Такси дорого стоило, решили пешком пройти, а на середине моста расстаться. Дошли до условленного места, остановились, болтают — не все ещё проблемы, как обычно, успели обсудить...

— Да уж, наши девчонки тоже как начнут болтать — не остановить!..

— Вот и они заболтались. В тот момент рядом с ними машина затормозила. Водитель открыл форточку: «Девчонки, садитесь, прокачу!» Подружка сразу подхватила: «Давай, Ленка, прокатимся! Симпатичный такой!» Лена не соглашалась: «Я не могу, меня дома уже ждут, беспокоиться будут». Тут подружка заявила: «Тогда я одна поеду, а если что со мной случится — ты виновата будешь!»

— А подружка в поиске кавалера была...

— Конечно. Лена потому и побоялась её одну бросать. Они сели в машину. Покатались немного по городу, поболтали. Потом он согласился их по домам развезти. Подружку возле дома посадил. Лена тоже хотела выйти, но он предложил: «Зачем тебе через мост полчаса пешком идти?! Я же махом домчусь! Доставлю в целости и сохранности!»

— И она согласилась?

— Ага! На следующее утро муж Лены забеспокоился и побежал к подружке — Лена домой не пришла, а ей на смену в больницу надо. Муж Лены решил, что подруги засиделись допоздна и проспали. Тогда ещё мобильных телефонов не было, и домашнего телефона у них тоже не было, вот он и побежал за ней через мост...

— Её всё-таки нашли?

— Её почти полгода искали... Мать Лены падала перед подружкой на колени, чтоб рассказала, с кем Лена уехала, как звали того таксиста, как он выглядел, и где её дочь искать, но та ничего не могла вспомнить или попросту не хотела рассказывать, потому что боялась...

— А как её найти смогли? И почему муж ночью подружке не позвонил?

— Так я говорю — тогда мобильных телефонов ещё не было — они позднее появились. А нашли её случайно. Этот подонок какой-то женщине лёгкого поведения подарил Ленины сапоги и шубку. Вот его и вычислили. На суде он рассказал, что, когда Лену к подъезду её — то есть нашего — дома привёз, то вышел следом за ней из машины и ударил по голове, а потом погрузил в машину и увёз к мосту...

— И убил?

— Пока тащил под мост, она очнулась и стала умолять его, чтобы не убивал. Просила пощадить её ради маленьких детей, но уж больно её шубка и сапоги ему приглянулись, вот и не захотел отпустить. Сначала убил, а потом натолкал под одежду камней и утопил рядом с берегом. Так полгода она около своего дома в реке и пролежала.

— О том, как убивал, он тоже на суде рассказал?

— Да. Мы всем домом на суд ходили. Хотелось его растерзать! Только нас не пустили — заседание закрытым было. Очень жаль было родных, и мужа, и детей, и мать Лены. Как они плакали!..

— И что потом?

— Муж сначала выпивать стал, но, молодец, справился, детей вырастил.

— И поэтому вы уехали из города?

— А знаешь, мы после этого случая словно очнулись от какого-то тяжкого сна. Это когда утром просыпаешься, а всё тело ломит то ли от пересыпа, то ли от недосыпа. Видимо, решение о возвращении в деревню уже давно было принято каждым из нас, но обсуждать его мы боялись. И лишь стоило одному из нас об этом заговорить, как вопрос решился сам собой.

— Ну и молодцы! Правильно сделали! Я тоже не представляю, как прожить без моей любимой деревеньки...

Стас, действительно, не понимал, как можно бросить родную деревню: летнюю рыбалку и купание в извилистой речушке, гонки на выдавшем виды отцовском мотоцикле по ухаби-стому аэродрому, поросшему сейчас какими-то странными кочкообразными растениями, зим-ние катания на лыжах и ледянках с крутых деревенских угоров. Да ещё и влюбился он в сосед-скую девчущку...

После окончания престижного университета он, ни минуты не сомневаясь в своём выборе, вернулся в родную деревню и сразу предложил руку и сердце своей любимой.

Он мечтал сыграть свадьбу, а потом, подкопив немного денег, перевезти свою семью в райцентр, чтоб там устроиться на работу по специальности и зажить счастливой семейной жи-знью...

На свадьбу денег, конечно, не хватало. Официальный доход у него был мизерный, так как работы в деревне не было, и он, оформив ИП, подрабатывал, переправляя летом в райцентр ягоды на продажу, а с осени по весну — свежую и солёную рыбу и сушёные грибы. Этот про-мысел, конечно, приносил кое-какой доход, но ему едва удавалось сводить концы с концами, чтоб помочь пенсионерам-родителям да выплатить налоги за ИП.

Они с матерью принялись делать мясные консервы из дичи, которую он отлавливал в лесу в период охоты. Консервы пошли «на ура», и районные предприниматели-торгаши выстрои-лись в очередь с заказами их «фамильных» консервов чуть ли не на год вперёд.

Всей семьёй они усердно подкапывали деньги на свадьбу, а когда через полгода подсчи-тали доходы, то выяснилось, что такими темпами они будут копить ещё несколько лет. И Стас отправился в райцентр, чтобы взять кредит.

До ближайшей остановки «по требованию», где притормаживал районный автобус, надо было идти пешком километра три. Это Стаса не страшило, и через час он уже мчался по пыль-ной грунтовой дороге в переполненном автобусе. Кондукторша пробивалась через плотную толпу пассажиров и громко выкрикивала остановки — названия близлежащих деревень. При этом она так взвизгивала, что у пассажиров закладывало уши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.